

Руслан Мельников
Метро 2033: Из глубин
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6300062
Мельников, Р.В. Метро 2033: Из глубин : [роман] : АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-081101-4

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Вы читали «Муранчу»? Вы считаете, что познали ужас? Вы ошибаетесь!

Разговоры с призраками... Бесконечные лабиринты и хтонические чудовища, способные убивать сквозь титановую обшивку... Деревья, растущие под землей... «Саргассовы моря» из разлагающейся плоти... Да, все это безумие, но они попали в его эпицентр, а значит, чтобы выжить, тоже должны поступать безумно и действовать по безумным законам. Особенно, когда за бортом – повышенный уровень рвущегося из глубин ада!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	44
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Руслан Мельников

Метро 2033: Из глубин

Пролог

– Пароль!

Пароль введен в систему. Все готово. Почти все...

В этом отсеке подземного бункера их было только двое. Каждый у своего пульта, и у каждого свой ключ. Между пультами достаточно большое расстояние, чтобы исключить роковую ошибку, которую мог совершить один, но двое – вряд ли. Старая добрая страховка от дурака. Или от психа.

– Замок! – старший отдавал приказы себе и напарнику.

Щелк, щелк. Приказ выполнен. Оба ключа вставлены в замки.

Теперь дело за малым: по команде провернуть ключи. Одновременно, в две руки. И всё. И конец. Самоликвидация. Одним секретным объектом станет меньше. И объектом, и персоналом.

Нужна только последняя команда. Самая последняя. Полковник ждал, наблюдая за старшим. Команда ведь могла и не прозвучать. Все сейчас зависит не от Центра, а от того, кто отдает приказы и делает выбор здесь, на месте. Правильный или неправильный выбор.

Тот, кто отдавал приказы, медлил. Что ж, полковник все понимал и не торопил. Никто никогда не спешит умирать. Даже отдающие приказы.

– Время вышло, – раздался тихий хриплый голос. Старший все-таки решился. – Пора. Мне жаль, но так нужно. Мы должны. Честь имею, полковник.

Еще секундная пауза. Еще одна секунда жизни.

– Ключ!

Прозвучала та самая последняя команда. Короткая и убийственная как выстрел. Но...

Щелк.

Но в замке провернулся только один ключ из двух и в тишине прозвучал только один щелчок.

Этого было недостаточно. Взрыва не последовало. Недовольно пискнула обманутая система.

Тот, кто отдавал приказы, открыл зажмуренные глаза.

– Полковник? – а в голосе – растерянность и удивление.

Полковник спокойно смотрел на старшего. Свой пистолет он успел достать раньше, и ствол уже был направлен в седой висок под фуражкой.

Страховка от дурака не спасает от других проблем. Человеческий фактор никогда нельзя исключить полностью.

– Это предательство?! – удивление старшего быстро перерастало в возмущение.

Полковник покачал головой:

– Это жизнь. Люди просто хотят жить.

– Люди или ты, полковник?

– Даже ты этого хочешь, верно?

– Да не важно, кто чего хочет! – Лицо того, кто отдавал приказы, наливалось краской. – Наши разработки не должны попасть в чужие руки!

– А ты уверен, что в той мясорубке, – полковник указал глазами на низкий потолок, – еще остались чужие руки?

– Я уже ни в чем не уверен, – теперь голос старшего звучал устало и обреченно. – Я знаю только одно: командования больше нет, Центр молчит, а у нас приказ о самоликвидации объекта в случае потери связи в течение двадцати четырех часов. Я и так просрочил целый час.

– Так почему бы не подождать еще несколько лет?

Тот, кто отдавал приказы, потянулся к кобуре.

– Не надо, – полковник говорил ровно и уверенно. – Не успеешь.

– Наши разработки не должны...

– Да что ты заладил: разработки, разработки, – скривился полковник. – А наши жизни?

– Ты не понимаешь! Идет война. Последняя. А может, и не идет уже. Там, наверху, ничего не осталось. Все кончено. Машина развалилась, винтики посыпались. Наши жизни никому не нужны и ничего не стоят. Мы все равно здесь долго не протянем.

Полковник покачал головой:

– Не согласен. У нас большие площади, отличная система жизнеобеспечения и стратегический склад продовольствия с расчетом на эвакуацию окружного штаба.

– Штаб уничтожен. Эвакуации не будет.

– Тем лучше. Если придерживаться режима жесткой экономии, продуктов хватит лет на двадцать.

– Ты уже все посчитал?

– Не я. У нас работают хорошие спецы.

– Кто с тобой, полковник?

– Все. Кроме тебя и твоих людей.

– Мои люди тебя отсюда не выпустят. И если ты выстрелишь...

– Думаю, твои люди уже мертвы.

С громким металлическим лязгом открылась дверь. Заглянувший снаружи автоматчик – молодой, здоровый детина с широченными плечами, бритой головой и сумрачным лицом – басовито доложил:

– Зачистка закончена, товарищ полковник.

– Хорошо, Киря, закрой дверь.

Дверь снова лязгнула.

Полковник улыбался старшему. Приятно было улыбаться тому, кто уже не мог отдавать приказы.

– Как вы сказали? Машина развалилась и винтики рассыпались? Что ж, когда винтики военной машины рассыпаются, они становятся тем, кем были изначально. Людьюми. А люди, чтобы выжить, устранят любую преграду. Вы для нас сейчас – преграда номер один. Поэтому...

Тот, кто еще недавно отдавал приказы, судорожно расстегивал кобуру.

– ...вас придется устранить.

Полковник нажал на спусковой крючок. В замкнутом пространстве гроыхнул выстрел.

С седой головы слетела фуражка. Багровое лицо того, кто отдавал приказы, стало еще краснее от выплеснувшейся крови. Пульт и провернутый в замке ключ забрызгало мозговой кашей. Грузное тело повалилось на пол.

– Честь имею! – Полковник продолжал улыбаться. Теперь в этом маленьком мирке приказы отдавать будет он. Только он будет отдавать правильные приказы...

Глава 1

«Аид»

Дверь... Массивная, бронированная. Тронутая ржавчиной, но столь же неприступная, как и в тот день, когда ее здесь установили, приварив к прочным петлям на стальной коробке косяка. Это было еще до Последней Войны. В другой жизни, в другой эпохе, в другом мире, о котором Стас имел смутное представление и не имел никаких воспоминаний. Он родился уже в послевоенное время.

Стасу пришла в голову неожиданная мысль. Если бы кому-нибудь потребовался простой и красноречивый образ, символизирующий непреодолимую границу «до» и «после» то, наверное, этот прямоугольник ржавого клепаного металла в бетонной стене подошел бы идеально.

В двери поблескивал выпуклый глазок, похожий на большую ртутную каплю: такой же бесстрастный и непроглядно блестящий. Глаз тьмы, в общем. Слепой глаз, в который давно уже никто не смотрит и который сам никого не видит. Дверная видекамера накрылась лет десять назад.

В стене над косяком справа выделялось темное пятно. Замурованное гнездо автоматического пулемета. Автоматика тоже вышла из строя, а снятый ствол износился во время вылазок на поверхность. Но вот сама дверь благополучно пережила послевоенные годы и надежно отсекает одну часть подземного пространства от другой.

Дверь заперта изнутри. И ему, Стасу, за эту дверь хода нет. Не заслужил. Не тот уровень допуска. За дверью начинается сектор «А». Небольшой сектор, с немногочисленным персоналом, но при этом самый закрытый и расположенный глубже других. Полковничья зона или «офис», как еще называют его в «Аиде».

«Аид» – это разветвленная система бункеров, укрытая в уральских горах неподалеку от Тагила. Когда-то «Аид» был секретным объектом, а Нижний Тагил – городом. Теперь на месте Тагила – мертвые руины, куда даже мутанты заходят неохотно. Так, во всяком случае, утверждают сталкеры.

А вот «Аид» все еще цепляется за жизнь.

Только сколько ему осталось?

За все послевоенное время «Аид» лишь однажды принял беженцев. Еще в самом начале, когда только-только отгремела Последняя Война, аидовские сталкеры, обследовавшие окрестности, наткнулись на три потрепанные БТРа МЧС. Снабженные системой коллективной защиты, лишённые вооружения и истратившие почти всю горючку машины были забиты женщинами и детьми.

Бронетранспортеры в белой эмчээсовской окраске так и остались гнить где-то на поверхности, а люди спустились под землю. Водители-спасатели долго не протянули. Несколько пассажиров тоже умерли в первый же месяц. Зато оставшиеся влили в «Аид» свежую кровь. Женщины и дети превратили секретный военный объект в полноценную колонию. Именно этого, насколько понимал Стас, и добивался руководитель «аидовских» подземелий полковник Гришко.

Тогда еще казалось, что продовольствия хватит всем и надолго.

Теперь все по-другому.

Старые запасы из стратегического склада почти закончились. Банка просроченного тушняка ценится на вес патронов, которые, кстати, тоже в большом дефиците. Охотой не проживешь, а только быстрее скопытишься. Разных тварей на поверхности расплодилось

уйма, но почти все фонят так, что за малым не светятся. А некоторые, случается, что и светятся. Есть такое мясо рискнет разве что самоубийца.

Обитатели «Аида» давно, упорно, но без особого успеха пытались разводить условно пригодные в пищу грибы, грызунов, даже червей и насекомых. Да уж, «условно»... Стаса до сих пор мучило после недавнего скудного обеда.

Так называемый сельскохозяйственный сектор «Г» производил недостаточно пищи, да и та частенько приводила к отравлениям, в том числе со смертельным исходом. Уже было понятно, что прокормить колонию альтернативным источником питания нереально. С его помощью можно было разве что сократить популяцию едоков. Однако другого выхода, кроме как развивать эту проклятую альтернативу, все равно не оставалось. Ну, если не считать каннибализма. Но пока до этого, слава богу, не дошло.

Вот именно, что пока. Стас вздохнул. Если дойдет, то он, наверное, будет в числе первых кандидатов на съедение. Вместе с другими сельхозработниками.

* * *

На аидовских «плантациях» и «фермах» трудилась в основном условно здоровая (да-да, опять «условно»), сейчас вся жизнь такая вот условная: вроде живешь, а вроде бы и нет) молодежь, не пригодная к другой работе. Сельхозсектор «Г» стал чем-то вроде каторги для местных неудачников.

Стас был одним из тех, кого, вроде бы, и пустить в расход еще жалко, но и кому нельзя доверить серьезного задания. Такие, как он, годились только для грязной работы в «Г». «Аидовцы» так и говорили: «работа в “Г”» или «“Г”-работа». При этом подразумевалось отнюдь не буквенное обозначение сельхозсектора.

Все дело в том, что здесь, в «Г», особенности Стаса не были большой помехой для дела. Особенности... Он невесело улыбнулся. Это если мягко выразаться. В «Аиде» по этому поводу обычно выражались жестче. «Урод, мутант», – вот как выражались. Не ему одному, конечно, приходится выслушивать такое. Но все равно это утешало мало.

Мать Стаса была из тех самых эмчээсных беженцев. В «Аид» она попала уже беременной и, судя по всему, словившей большую дозу радиации. Сама умерла при родах. Ребенок родился увечным.

Это было не внешнее, физическое увечье. Со Стасом происходило что-то внутри. Что-то нехорошее. Приступы – так называли его изъязв окружающие, и так он привык называть *это* сам. Приступ всегда случался внезапно. Обычно все проходило быстро, но на это время Стас полностью выпадал из жизни. Будто кто-то выключал свет, звук и прочие раздражители. В памяти не оставалось ничего. Совсем-совсем ничего. Такая маленькая скоротечная смерть.

Пока длился приступ, Стас находился в полном ступоре, ни на что не реагируя. А кому нужен сталкер, охранник или техник, который в любой момент мог отключиться? Правильно – никому. Разве что «Г»-сектор принимал таких работников.

Впрочем, и там у Стаса не сложилось. Проклятые приступы делали его беспомощным и уязвимым, а «гэшным» аутсайдерам «Аида» нужно было на ком-то вымещать злость и обиду за собственные неудачи. Жесткая война с односекторниками, в которой он был один против всех, шла с детства, насколько помнил себя Стас. После приступов он часто обнаруживал на теле синяки, ушибы или грязные пятна от грибного гумуса и видел вокруг глумливые ухмылки. Стас пытался разбираться, лез в драку, кого-то бил. Но рано или поздно начинался новый приступ, и все повторялось снова.

Он так и не сблизился ни с кем из своих секторских, а об обитателях других секторов и вовсе говорить не стоило. Во всем «Аиде» с ним охотно общался только «ашный» психолог. Но у Стаса имелось подозрение, что у психолога к нему был исключительно професси-

ональный интерес – не более. Это задевало еще сильнее. К тому же психолог скорее пугал Стаса, чем располагал к себе. Такой уж у них, в «Аиде», психолог.

Стас рано привык к одиночеству и даже полюбил его. Свободное время, которого было не так уж и много, он предпочитал проводить в коридорах между секторами. Здесь от людей, конечно, не спрячешься, но в переходах их все же меньше и друг на друга они обращают внимание не так часто. Люди просто идут куда-то по своим делам и заняты исключительно ими.

В последнее время прогулка по межсекторным туннелям неизменно приводила Стаса к запертой двери «офиса». Именно здесь, в «А»-секторе, располагался «аидовский» штаб полковника Гришко, именно отсюда контролировалось всё, что еще могло находиться под контролем. Система жизнеобеспечения, водяные и воздушные фильтры, сохранившая работоспособность техника, охрана и разведка, внешние подступы к «Аиду» и его внутренняя жизнь, распределение ресурсов и улаживание конфликтов.

Вот где работа так работа! Не пыльно, не грязно, не напряжно, престижно, почетно. Не то, что возиться в грибном гумусе, перебирать полудохлых червей и чистить клетки с тощими крысами.

«Ашники» были элитой «Аида», и любой «аидовец» мечтал стать ее частью. Стас тоже иногда представлял, как он на законных основаниях входит в эту дверь. «Гэшник» в «А»-секторе. Смешно, конечно...

Впрочем, к «офису» Стаса тянули не только глупые мечты. Акустик Катя – вот что... вот кто еще.

Недавно он снова видел ее в коридоре. Катя провожала в экспедицию своего Лёню – лучшего сталкера «Аида».

Своего... Лучшего...

Его, Стаса, она тогда даже не заметила. А если и заметила, то не подала вида. Что ж, и Катя, и Лёня были «ашники», а он был из «Г». Ему с Лёней не тягаться. Стас и не собирался. Он приходил сюда просто взглянуть на Катю. Если повезет. Если она выйдет.

Стас представил ее так, будто Катя стояла сейчас перед ним, в проеме бронированной двери.

Как и все женщины «Аида», она носила короткую стрижку: за длинными волосами трудно ухаживать, но и с короткими Катя выглядела обворожительно. Косая русая челка могла свести с ума кого угодно. Да и всё остальное тоже. Нервно прикусываемые пухлые губки. Вздернутый носик, огромные – в пол-лица – зеленющие глаза. Пристальный насто-роженно-испуганный взгляд. И выражение такое... Как будто она все время к чему-то при-слушивается. Наверное, это профессиональное. Милое такое выражение.

Стас улыбнулся.

Он еще вспомнил маленькие миленькие ушки Кати, мочки которых никогда не знали сережек. Наушники акустика плохо сочетаются с сережками.

Стас провел рукой по бронедвери, ощутив холод шершавого металла. Эх, Катя-Катя-Катя... По сравнению с тем, что на самом деле разделяет его и ее, даже эта дверь не такая уж и непреодолимая преграда. Он – «гэшник», копающийся в навозе. Она – акустик «Аида», ценный сотрудник полковничьего «офиса». Он иногда наблюдает за ней со стороны, испод-воль, тайком, словно подворовывая чужое счастье. А она живет с другим.

«Счастливчик! – без злобы и ревности, но с тоской подумал об этом другом Стас. – Какой же счастливчик этот Лёня! Ну, почему так получается в жизни: кому-то достается счастье, а кому-то...»

Пустота!

Пустота, темнота и тишина в мозгу, глазах и ушах навалились внезапно, не дав даже додумать мысль. Как всегда, когда начинается приступ.

Пустота.
Темнота.
Тишина...

* * *

Тишина. Полная. Абсолютная. Как под водой. На глубине метров этак... Ну, в общем, глубоко.

Огромные похожие на головные наросты камнегрызов наушники с плотной мягкой набивкой закрывали уши, виски и ползатылка, отсекая все звуки внешнего мира. Их ненавязчивое давление на голову было привычным и не доставляло неудобств.

Сонар-терралокатор, контролировавший ближние подступы к «Аиду», пока был выключен. Чтобы не мешал. Сейчас Катя «слушала» датчики движения по внешнему периметру. Датчики молчали.

В «офисе» шла рутинная работа. Всё, как обычно. За стеклянными перегородками, делившими рабочее пространство, все на виду. Акустик Екатерина Смирнова слушала тишину в наушниках и отстраненно наблюдала за происходящим.

Персонал «офиса» двигался мало и вяло, словно придавленный толщей воды.

Порой – это случалось редко, но все же случалось – люди открывали и закрывали рты, переговариваясь друг с другом или с кем-то невидимым – по рации или телефону. Катя не слышала их разговоров, что еще больше усиливало сходство с подводным миром.

Подземный, подводный – разница невелика.

«Люди, в большинстве своем, как рыбы, – думала Катя. – Много говорят, но обычно их слова значат мало, и если выключить звук, ничего ведь, по большому счету, не изменится».

Каждый занимался своим делом. Вон, в соседней стеклянной ячейке-аквариуме престарелый тучный компьютерщик-программист и вообще правая рука Гришко по технической части Михеич снова воюет с таким же старым «железом» и ключным ПО. «Офисная» компьютерная сеть, как, впрочем, и все вокруг, дышит на ладан, а Михеич пытается хоть немного продлить ее слабое дыхание.

Судя по сердитому лицу «аидовского» айтишника, дело не ладится. Михеич зол и раздражителен. Впрочем, в последнее время он такой всегда. Седая голова старика склонилась над монитором. Близорукие слезящиеся глаза за стеклами очков смотрят на тусклый экран с разноцветными, наслаивающимися друг на друга окошками и бесконечными колонками каких-то цифр и знаков.

Для Кати все это темный лес. Да и для остальной молодежи тоже. Раньше, до Последней Войны, говорят, каждый ребенок был с компьютером на «ты». Но сейчас – не как раньше. Михеич до сих пор не нашел толкового преемника. Хотя, может быть, истинная причина этого кроется в скверном характере старика и полном отсутствии у него педагогических навыков. Скорее всего, когда не станет Михеича, «аидовская» сетка тоже долго не протянет.

Михеич напоминал Кате камлающего шамана, общающегося с капризными компьютерными духами и не знающего уже, какую жертву им принести, чтобы хоть немного задобрить.

В дальнем закутке офиса следит за работой реактора заклятый товарищ Михеича атомщик Додик. Сутулая, изогнутая знаком вопроса спина, опущенные плечи, нос с горбинкой, вечно удивленное лицо с морщинистым лбом и бровями домиком. Сам – высокий, худощавый. Также пожилой, тоже очкастый, тоже седой. Только уже почти лысый.

Также – старая гвардия. Также носитель старых знаний, которые уже вряд ли удастся передать кому-нибудь в полном объеме. Также важная фигура. Атомный реактор «Аида» снабжает сектора энергией, а Додик его контролирует. Случись что с Додиком, и «Аиду» не

избежать губительного катаклизма локального масштаба. Последней атомной аварии после Последней атомной Войны.

Михеич и Додик не ладят друг с другом. Михеич не любит Додика, потому что Додик еврей. Додик не любит Михеича, потому что Михеич не любит евреев. Для Кати все это так же непонятно, как компьютерные программы или устройство реактора. О том, кто такие евреи, она имеет очень смутное представление, и ей ясно только одно: эти двое постоянно грызутся между собой, но при этом всегда стараются держаться вместе. Их поколение потеряло многих. Оно уже почти все повымирило это поколение, помнящее мир до Последней Войны. В таких условиях сторониться друг друга для Додика и Михеича – слишком большая роскошь. Вражда враждой, но общая память о том, как и что было раньше, – сильнее.

* * *

Иногда установленные наверху датчики реагировали на движение и оживали. В тишине наушничьего аквариума возникали звуки, и Катя прикрывала глаза, чтобы лучше сосредоточиться, вслушивалась, идентифицировала шум. Пока ничего опасного или заслуживающего внимания не было. Обычная движуха. Какая-то тварь проходила мимо датчиков и шла прочь от «Аида». В наушниках снова наступала тишина, и Катя открывала глаза, так и не включив сонара.

Беззвучная жизнь «офиса» текла своим чередом. Катя рассеянно наблюдала за ней.

Напротив несет свою вахту Вера. Тоже сидит перед приборами, тоже в наушниках, только в других: у нее гарнитура с микрофоном. Кате микрофон на наушниках ни к чему. А вот Вере нужен.

Вера не молчит. С кем-то переговаривается. Вера – связистка, жена и боевая подруга полковника Гришко. Веру, в общем-то, любят. Наверное, просто потому, что ненавидеть таких не за что. Безобидная она, незаметная, как мышь. Нормальная мышь, конечно, не мутантистая. Мутанты-то – они всегда заметные.

Катя невольно залюбовалась Верой. А что, красавица... Причем красавица той особенной доброй красотой, которая отличает женщин, нашедших своего мужчину и свое место в мире возле мужчины. Свое стабильное счастье. Зрелых разумных женщин, ни к чему, кроме того, что уже есть, не стремящихся и готовых с легкостью отдать жизнь за свою тихую неброскую любовь. Вера – всегда опрятная, ухоженная. Тихая, спокойная, с мягкими чертами лица, округлыми линиями тела и такими печальными глазами, будто она задалась целью оплакать весь погибший мир.

Вера старше Кати. Старше, но до старости ей еще далеко. И все же ранняя седина в примятых наушниками темных волосах хорошо заметна. И морщины бросаются в глаза. Последняя Война началась и закончилась, когда Вера была ребенком, но ребенком уже в сознательном, почти подростковом возрасте. В «Аид» она приехала вместе с другими беженцами в эмчээсном бронетранспортере. Вера никогда ничего не рассказывала о той поездке, но она должна была многое видеть, знать и помнить.

Наверное, она помнила. Наверное, именно поэтому глаза у нее такие печальные, взгляд потухший, а в волосах серебро. С такими детскими воспоминаниями тяжело жить. Катя была рада, что родилась уже после всего этого. Так легче не жалеть о потерянном. Хотя иногда все равно становится жалко. Невыносимо, до слез, жалко и погибших родителей, которых она практически не знала, и погибший родительский мир.

В наушниках снова послышался шум. На этот раз Катя безошибочно распознала человеческие шаги. Сталкерские: быстрые, легкие, мешающиеся с шуршанием защитного костюма. Может, Лёня возвращается? Хорошо бы, если он. Направление шагов, кстати, в сторону «Аида».

Проходя мимо датчика, человек тихонько хлопнул по земле ладонью. Три раза быстро. И с большим перерывом – еще один. Правильно. Сегодняшний пароль. Тревогу поднимать не нужно: свои. «Лёня, ты?»

Шаги стихли: ходок удалился от датчика. Ладно, подождем. Скоро все узнаем. Катя снова смотрела вокруг.

Скользнула взглядом по темному закутку «аидовского» психолога Ильи, который, впрочем, редко проводил там время. Чаще мозгоправ пропадал на вызовах по секторам. Вот и сейчас Илья куда-то вышел. Наверное, опять у кого-то нервный срыв.

На входе в «офис», возле шлюзового тамбура, расположилась Таня. Ежик огненно-рыжих волос контрастирует с бледным, как у всех подземных жителей, лицом. Волосы у Тани примерно того же цвета, что и некогда красный крест на выцветшей нарукавной повязке. Поджатые губы, задиристый взгляд... Дежурный медик «А»-сектора – полная противоположность Веры. Взбалмошная, непоседливая оторва.

Оторвала себе, кстати, крутого мужика. Ее Кирилл, или Киря, как обычно называли этого бугая, дежурил возле кабинета Гришко. Шкаф на ножках. Кулачища с голову камнегрыза, плечи – с дверной проем, бритая голова, злобное выражение лица, внимательные, вечно ищущие слабинку и подвох глаза, полный набор боевых реакций и умение убивать быстро и без сожаления. Убивать мутантов или людей – без разницы. Голыми руками и любым оружием. Это, в общем-то, основная специализация Кири, и, кстати, во многом благодаря ему власть Гришко ни разу не пошатнулась.

Интересно, а каков Киря в постели? Такой же зверюга? Катя почувствовала легкое возбуждение. Да нет, не такое уж и легкое. Ей захотелось, чтобы ее грубо, хищно, по-зверски поимели.

Стало стыдно от таких мыслей. Как всегда. Как каждый раз после этих ненужных фантазий. Опять ее занесло куда-то не туда. Не о том она думает, совсем не о том. Она любит другого, и не важно, что тот, другой, не может ей дать того, что получает Таня от Кири. У нее есть Лёня. Она его любит, он любит ее. Так чего еще надо?

Катя перевела взгляд на то место, где обычно сидел ее Лёня. Не то чтобы соперник Кири, но в-некотором-роде-как-бы-конкурент. Если Киря был опорой Гришко в «Аиде», то на Лёне лежала внешняя разведка. Все особо важные сталкерские вылазки он возглавлял лично. И, судя по тому, что сегодня Лёни нет...

Да, особо важные. Это значит – особо опасные.

Катя покосилась на дверь в конце зала, откуда поступали приказы, которых она так не любила. За той дверью – кабинет полковника. И кабинет, и жилище. Впрочем, у них у всех жилье здесь же, на территории «офиса». В подземной бункерной жизни иначе и не бывает.

Дверь открылась, словно взгляд Кати проник в замочную скважину и тихонько там провернулся.

К подчиненным вошел полковник Гришко. Невысокий мужчина. Короткая стрижка – настолько короткая, что седина почти не бросается в глаза. Старый застиранный камуфляж. Выбритое лицо с массивным подбородком и высоким лбом. Кате порой казалось, что такой лобешник запросто остановит пулю, если кто-нибудь вдруг слетит с катушек и рискнет пальнуть в Гришко. На поясе – кобура с пистолетом. Крепкие полковничьи кулаки тоже, кстати, были серьезным оружием. Глаза под густыми бровями смотрят на окружающих пристально и уверенно.

Гришко уже в возрасте, но крепкий и моложавый. Военный – одно слово. Наверное, такие же вот моложавые, уверенные в себе генералы довели планету до Последней Войны.

Взгляд полковника остановился на Вере. Чуть потеплел. Та, словно почувствовала, что на нее смотрят, подняла голову. Гришко мотнул головой, указав на кабинет: зайди, мол.

Вера сняла наушники, поднялась, пошла. Всё – молча, без слов. Эти двое давно уже понимают друг друга без слов.

Вообще-то Гришко мог бы вызвать Веру и не выходя из кабинета: связь-то есть. Но полковник никогда не упускал возможности лишней раз проконтролировать работу подчиненных.

Веру Гришко вызывал к себе чаще других. Обычно – по делу. Но иногда – просто так, если приспичит. Или если дело плавно перетекало в «приспичит». Катя вздохнула: а что делать ей со своим «приспичит»? Вера потом выходила из кабинета раскрасневшаяся, смущенная, как девочка, машинально оправляя одежду. А что, нормально, если муж и жена. И если муж – самый главный начальник. Как подземный бог «Аида». И кто посмеет чего сказать здешнему «айдовскому» царю? Никто не говорил. Все прятали понимающие улыбки. Начальству тоже нужна разгрузка...

Впрочем, сейчас Гришко явно звал Веру не расслабухи ради. Об этом можно судить по его хмурому лицу. От Кати не укрылось и то, как глаза полковника скользнули по пустующему расшатанному стулу, на котором сидел Лёня. Глаза скользнули, губы недовольно скривились. Ага, похоже, Гришко хотел вызвать на ковер и разведку тоже, ан не вышло. Лёня еще не вернулся с одного задания, так что послать его на другое у вас, товарищ полковник, не получится. Катя почувствовала что-то вроде злорадства. А нечего так загружать людей работой.

Гришко пропустил Веру в кабинет, вошел сам, закрыл дверь.

Катя снова сосредоточилась на шуме в наушниках. Вернее, на его отсутствии. Ее опять поглотили тишина, глубина, аквариум...

* * *

– Сегодня что-нибудь было? – спросил Гришко у жены, скромно присевшей на краешек старого продавленного дивана с потертой кожаной обивкой. Этот диван был единственным предметом роскоши в кабинете-квартире полковника.

– Было, – кивнула Вера. О чем шла речь, уточнять не требовалось. – Два радиоперехвата за день. Шла колонна.

– Время?

– Одиннадцать двадцать пять. Двенадцать семнадцать, – четко, по-военному, как и любил Гришко, доложила она.

– Ебург?

Вера покачала головой:

– Дальние окрестности. Судя по переговорам.

– Позывные те же?

– Да.

«Так точно» она все-таки не сказала. Имела право: Вера была не только подчиненной Гришко, но и его женщиной.

– Куда идет колонна?

– На Невьянск.

– Опять ищут место для базы?

– Похоже, что так, – вздохнула Вера.

Гришко кивнул. В Невьянске колонна вряд ли что-то найдет. И в Нижнем Тагиле, если двинет дальше на север, точно не найдет ничего. Но вот если колонна доберется до «Аида»...

Можно сказать, здесь уже есть готовая база.

– «Аид» упоминали? – спросил полковник.

– Сегодня нет.

Это ничего не значило. Сообщение об «Аиде» уже проскользнуло в радиоэфире пару дней назад, и этого было достаточно. Судя по всему, чужаки об объекте знали. Возможно, даже знали, что «Аид» уцелел. И очень может быть, что они знали его координаты. Значит, заявятся. Рано или поздно, но обязательно заявятся. А встретить их нечем.

Гришко тоже сел на диван. Машинально приобнял Веру, думая, однако, не о ней. Полковник как угольки в костре ворошил в памяти последние события.

В Екатеринбурге опять зашевелились. Какая-то там очередная движуха и дележка начиналась, судя по всему. Для Гришко и еще нескольких приближенных к полковнику человек не было секретом, что часть ебуржцев выжила, укрывшись в метро и городских убежищах. Но устанавливать с ними контакты Гришко не спешил. Ни к чему это было, совсем ни к чему.

Да, «Аиду» угрожал голод. Но все-таки пока ситуация не критическая. Какое-то время еще протянуть можно. Это во-первых. Во-вторых, наивно было бы полагать, что жители Екатеринбурга сейчас, через двадцать лет после Войны, поделятся с «аидовцами» своими ресурсами. Скорее уж, сами предпочтут пожить за чужой счет. Заберут последнее и избавятся от лишних ртов. Такова, увы, паскудная человеческая порода при скудных запасах.

Было еще и «в-третьих», весьма немаловажное лично для Гришко.

Сейчас каждый сам за себя и живет по своим правилам. Правила, установившиеся в «Аиде», вполне устраивали полковника. А сохранятся ли они, когда об «Аиде» прознают чужаки? Это вообще-то большой вопрос. И главное – удастся ли сохранить свое главенствующее положение, если в изолированную колонию вторгнется извне какой-нибудь зубастый властолюбец? Делиться властью хотелось еще меньше, чем делить ресурсы.

Екатеринбург был ближайшим городом-соседом «Аида», в котором сохранились признаки жизни. До этого соседшки, правда, пилять и пилять, но все-таки... ближайший... А за соседями нынче нужен глаз да глаз. Особенно за ближайшими и беспокойными. Ебуржцы были не из спокойных.

Между жителями Екатеринбурга шла грызня, к которой с недавнего времени, похоже, подключилась сторонняя сила. Из перехваченных Верой радиопереговоров на военных частотах становилось понятно, что после долгого перерыва о себе заявила федеральная власть, уцелевшая где-то на Сибирских просторах и теперь проявлявшая повышенный интерес к Уралу. И это подтверждали не только радиоперехваты. Уходившие на юг сталкеры рассказывали, что видели в небе вертолеты и слышали шум тяжелой техники. Раньше ничего подобного не было. После эмчээсных БТРов с беженцами машины по уральским дорогам не ездили. И вот началось... Это вообще-то говорило о многом.

На связь с внешним миром Гришко и его подчиненные по-прежнему не выходили. Зато сами регулярно прослушивали эфир и делали выводы. Да уж, выводы... В районе Ебурга заявляла о себе мощная сила, которая рано или поздно подомнет под себя город. А потом доберется и до «Аида». Впрочем, возможно, она доберется до «Аида» раньше, чем падет Екатеринбург. Это тревожило Гришко даже больше, чем проблемы с продовольствием и боеприпасами.

И ведь было от чего волноваться! На секретном объекте «Аид» велись секретные разработки, о которых знали лишь избранные. Вроде него, полковника Гришко. В случае военного конфликта и потери связи с командованием «аидовцам» надлежало ликвидировать объект вместе с персоналом. Однако в результате бунта, который, кстати, возглавил лично он, полковник Гришко, старое командование было перебито, и самоликвидация не состоялась. Новые власти могут использовать этот факт в своих интересах. И не в интересах Гришко.

А колонны, между прочим, уже идут от Ебурга на север. Неугомонные федералы разведывают местность, ищут места для баз и укрепунктов. Судя по всему, город – не единственная и не конечная их цель. Начинается массивированная экспансия. Просто затаиться под зем-

лей и выжидать, как раньше, уже не получится. Теперь это гибельная стратегия. Нужно было что-то делать. И желательно, поскорее. Собственно, полковник уже делал. Вот только...

– Леонид на связь не выходил? – спросил Гришко.

– Нет, – ответила Вера.

– Долго он что-то... Должен был бы уже вернуться.

Вера промолчала.

– Колдун где?

– Он...

– Вызови, – не дал ей договорить полковник. – Он сейчас нужен мне здесь. Хватит по секторам шляться.

* * *

«Чок-чок».

Катя сморгнула и нахмурилась.

Послышалось? Нет? А может, просто помехи давно выработавшей свой ресурс аппаратуры?

Она прижала наушники ладонями. Особого смысла в этом не было: наушники и так обеспечивали отменную звукоизоляцию.

Все-таки не послышалось! Вот оно, еще раз. Далекое, смутное, неясное...

«Чок-чок».

Где-то в глубинах наушников. На самой грани слышимости, и все же вполне различимое.

Но, прежде чем докладывать Гришко, Катя решила убедиться наверняка. Вытерла испарину со лба, убрав заодно лезущий в правый глаз край косой челки. «Надо подровнять» – мелькнула на периферии сознания и растворилась без следа неуместная мысль.

Девушка замерла, заметив, нет, скорее почувствовав мимоходом, что ее напряженная поза уже вызвала тревожные взгляды. Еще бы, если акустик напрягся, значит, есть повод для волнений.

Потом Катя вся превратилась в слух.

Теперь она еще больше была похожа на камнегрыза. Наушники на голове стали частью ее самой, как слуховые наросты на черепе мутанта. И сама Катя тоже стала частью этих наушников и системы прослушки.

Дальние подступы к бункеру оберегали десятки чутких датчиков и сложная аппаратура. Но «железо» – ничто без опытного оператора-акустика. И сейчас именно Катя осуществляла акустический контроль.

И она вполне отчетливо слышала...

«Чок-чок. Чок-чок. Чок-чок».

К «Аиду» кто-то приближался. Да нет, не кто-то. Катя хорошо умела идентифицировать звуки, улавливаемые наружными датчиками.

Ну да, они самые. Камнегрызы. Как раз сейчас у них период миграции, и, видимо, какая-то стая движется мимо «Аида».

Ох, мимо ли?

В наушниках трещало уже сплошное, почти без пауз «чок-чок-чок-чок-чок», похожее на звук дозиметра, поднесенного к воде в эпицентре загрязнения. Это очень плохая вода.

А камнегрызы – очень плохие твари.

Катя включила сонар. Пора уже...

Ультразвуковой терралокатор, в отличие от стандартных гидролокаторов, позволял сканировать лишь ближайшие подступы к «Аиду», зато он давал полную картину надвига-

ющейся опасности. И в этот раз тоже... Дал. Теперь в наушниках на одной пронзительной ноте пищал отраженный сигнал. На небольшом дисплее кругового обзора появилось множество точек, сливающихся в сплошную массу. Стаи камнегрызов многочисленны. И эта стая – уже никаких сомнений! – пройдет прямо над «Аидом».

Нужно докладывать Гришко.

Катя щелкнула тумблером коммуникатора. Вместо скребущего душу писка в наушниках раздался голос полковника – властный, уверенный и внушающий уверенность другим.

– Да? – Гришко отозвался сразу, словно ждал. Впрочем, он всегда быстро реагирует на вызовы. – В чем дело, Катя?

– Угроза вторжения.

– Уровень?

– Красный.

Это значит самый серьезный.

Пауза – совсем недолго. Не пауза даже – полусекундная, четвертьсекундная заминка. И снова голос, полный озабоченности, однако не утративший уверенности и решимости:

– Кто?

– Точно не знаю...

– Знаешь, – не согласился полковник. Катя «увидела» ушами, как он поморщился. – Кого ты сейчас слышишь, Катерина?

Девушка вздохнула, собрала с духом:

– Камнегрызы.

Еще одна пауза-заминка. Такая же короткая.

– Где?

– Перешли внешний периметр датчиков.

– Много?

Катя щелкнула тумблером туда-сюда. Непрерывающееся «чок-чок-чок-чок-чок» и писк сонара наложились на их разговор. Теперь и Гришко мог слышать то, что слышала она.

– Очень много... – сказала Катя, хотя можно было ничего не говорить.

Глава 2

Колдун

То, что с ним случился приступ, Стас понял, когда все уже закончилось. Он обнаружил себя под запертой бронедверью сектора «А». Сколько времени прошло? Стас не знал. И никто не подскажет. Просто еще один кусочек жизни ушел куда-то безвозвратно и без следа. Еще одна маленькая смерть...

Обидно это все-таки. Обидно и неправильно – вот так умирать при жизни по многу раз. Стас поднялся, опираясь на холодную дверь.

– Опять депрессируем, Станислав? – раздался за спиной знакомый голос, негромкий и насмешливый.

Стас вздрогнул, будто его застали за чем-то постыдным и недозволенным. Отдернул руку от двери. Повернулся. Увидел то, что и должен был увидеть. Кого должен был.

Илью Колдуна.

Илья – имя. Колдун – кликуха. Фамилии этого человека не помнил никто.

Илья как всегда улыбался во весь рот. Под густыми бровями поблескивали прищуренные внимательные глаза, в которых трудно было что-либо прочесть. Интересно, он уже долго наблюдает или только подошел? Колдун вряд ли ответит на этот вопрос. А сам Стас спрашивать не станет.

– Приступ? – как бы между прочим поинтересовался Илья. Вроде бы его улыбка даже стала чуть сочувствующей.

Стас молча кивнул. Колдуна не обманешь. Об этом знает весь «Аид».

– А чего под дверью торчишь? Хочешь, чтобы зашибли на фиг, пока в отключке?

В принципе, могли. Бронированная дверь «офиса» – тяжелая.

– Зачем приперся? – допытывался Колдун с таким видом, будто знал ответ. Может, и правда знал.

Формально Илья был «аидовским» психологом. И, как считал Стас, причем, не он один, – немного психом.

Вообще-то у Стаса были подозрения, что о психологии как таковой Колдун имеет весьма смутное и поверхностное представление. Все-таки Илья слишком молод, точнее, недостаточно стар. Вряд ли он мог получить полноценное психологическое образование и пройти хоть какую-то практику до Войны. Поэтому психолог – это, скорее, не профессия, а еще одно прозвище Ильи.

На самом деле этот человек неопределенного возраста и не очень понятных Стасу занятий выполнял в «Аиде» вполне определенную функцию хранителя душевного спокойствия подземных колонистов. И надо признать, чужое душевное спокойствие Ильи художественно сохранил: на объекте пока не было явных сумасшедших. А вот свое, похоже, не уберег. Колдун порой совершал не совсем адекватные поступки и гораздо чаще говорил неадекватные вещи. В общем, псих... олог.

Но, видимо, за то, что других душевнобольных в «Аиде» не появлялось, Гришко ценил Колдуна и держал при себе в «А»-секторе. За это, а еще за его удивительную, просто сверхъестественную, проницательность, догадливость и доскональное знание человеческой природы. Вероятно, из-за этих способностей, кстати, к Илье и прилипло необычное прозвище, давно заменявшее психологу фамилию. Что ж, Колдун – он и в «Аиде» Колдун.

* * *

– Ну? Чего молчим, Фрейда тебе в задницу и Юнга в печенку! – в лицо Стасу скалилась гладко выбритая физиономия Ильи. – Опять Катюху стережешь?

Илья, как всегда, видел человека насквозь. И опять что-то подсказывало Стасу: дело тут не в психологии. Не в ней одной, во всяком случае. Иногда казалось, что Илья Колдун действительно колдует по-настоящему.

– Катю, – угрюмо поправил Стас. Отнекиваться бесполезно. От психолога-Колдуна ничего не утаишь.

Илья удовлетворенно хмыкнул:

– А ты думаешь, я не понимаю? Думаешь, не вижу, как ты топчешься у нас под дверью и как пялишься на Катюху, когда она выходит?

– На Катю.

«И то, что ты видишь и понимаешь, еще не значит, что то же самое видят и понимают другие».

Стас исподлобья смотрел на собеседника. Не менее примечательной, чем его вечно улыбающееся лицо и редкая по нынешним временам профессия, была одежда Ильи. Колдун носил старенький (а новых сейчас нигде и не найти), но опрятный костюмчик. Все как положено: пиджачок, брючки, галстучек, застиранная рубашка.

Психолог словно сошел в бункеры «Аида» с выцветшей довоенной фотографии и забыл дорогу назад. Этот тип, в голове которого творилось невесть что, внешне выглядел слишком... даже нет, не просто слишком – непозволительно цивильно. Непонятное, ничем не оправданное, необоснованное и совершенно неуместное пижонство. Сейчас никто так не одевается. А психолог одевался.

Или псих...

Не зря все-таки Илью в «Аиде» втихую называли психом. Правда, делали это с опаской, убедившись, что сам Илья ничего не слышит. Хотя у Стаса складывалось впечатление, что Колдун слышит все. И слышит, и видит, и знает. На то он и Колдун. А психолог – это так, дело десятое.

– Слушай, парень, тебе с Катюхой...

– Ее зовут Катя, – снова поправил Стас.

– Все равно тебе с ней ничего не светит, – лучезарно улыбался ему Илья.

«Вот же гад, а!» – Стас угрюмо смотрел на психолога, не смея, впрочем, озвучить свое негодование. Колдуна в «Аиде» боялись не меньше, чем Гришко. Психов всегда боятся. Особенно влиятельных. А Колдун не только имел высший допуск категории «А», но и был вхож лично к полковнику. Он, говорят, даже умел...

– Не злись на меня, Станислав. И не ругайся про себя, – да, наверное, он и в самом деле умел читать чужие мысли.

На Стаса гипнотизирующе смотрели блестящие щелочки прищуренных глаз и широкая улыбка Ильи.

Интересно, этот весельчак когда-нибудь перестает лыбиться? Вряд ли. Насколько помнил Стас, даже когда Илья пребывал в глубокой задумчивости, по его лицу все равно блуждала рассеянная улыбочка.

– Я бы рассказал тебе о биохимии любви, но ты же все равно ни хренаськи не поймешь. Да и сам я, признаюсь, в этой лабуде не шибко шарю. – Илья пренебрежительно махнул рукой. – Короче, через полгодика острая фаза влюбленности пройдет. Потом будет легче. Очухаешься, пойдешь на поправку. Нужно только время, чтобы переломать себя.

«Отвянь», – буркнул Стас. Мысленно, конечно.

– Оставь ее. Не зацкливайся на той, кто тебе не принадлежит и принадлежать не будет. У Кати свой путь, у тебя – свой. У нее одно предназначение, у тебя – другое. Параллельные дороги, даже если они проложены рядом, не пересекутся никогда. Ничего у тебя с ней не получится. Говорю тебе это как психолог.

«И как Колдун?»

– Так что просто забудь.

– Не могу, – признался Стас.

– Брось! Человек может многое. Даже жить после смерти.

Стас недоверчиво усмехнулся.

– Так говорят, – пожал плечами Илья. – И я склонен этому верить.

Стас хмыкнул еще раз:

– Если человек может многое, то и у меня с Катей может...

– Я же сказал: у вас не получится. «Многое» – не значит «всё». Или, скажем, так: человек может все, кроме того, что изначально решено за него и не в его пользу.

– Кем решено?

– Тем, кто имеет право решать. Судьба, рок, бог... Разве важно, что или кто разруливает такие вопросы за нас? Важнее другое: тех возможностей, которые нам остаются, достаточно, чтобы быть счастливыми, если искренне этого желать. Или чтобы быть несчастными, если стремиться к этому. Ты хочешь быть счастливым или наоборот?

– Не так уж и много этих возможностей, если главное уже решено, – заметил Стас.

– Решена лишь малая часть, и не всегда главная. Что для него главное, человек выбирает сам. И возможностей у него действительно немало. Никто не знает своих возможностей, потому что никто не смотрит вглубь себя должным образом.

– Я знаю себя и свои возможности так же хорошо, как бункеры «Аида», – скривился Стас.

– Ты думаешь, что знаешь «Аид»?

– Вообще-то я здесь живу.

– И только поэтому считаешь, что тебе известно об «Аиде» все? – Илья многозначительно глянул на запертую дверь сектора «А».

Стас замолчал. Да уж, неудачное сравнение. Как он может знать все об «Аиде», имея ограниченный «гэшный» допуск?

– Тебе ведь нужна не Катюха, Станислав, – вновь заговорил Илья.

– Ее зовут...

– На самом деле тебе нужен «офис», – казалось, насмешливо-понимающая улыбка Колдуна уже заполняет собой все пространство. – Тебе осточертела работа на плантациях сельхозсектора, тебя пугает мысль о том, что ты проживешь остаток жизни в «Г» и умрешь в «Г», выращивая пищу для других. Тебе хочется чего-то большего, хочется перемен, хочется вырваться из «Г» и выйти на новый уровень. А Катерина – это всего лишь предлог и самооправдание для того, чтобы ошиваться возле «А»-сектора, дорога в который тебе закрыта. Разве нет?

* * *

Стас угрюмо смотрел на Илью. Слова Колдуна больно царапнули что-то внутри. Так шкрябается и несправедливое обвинение, и неприятная правда, в которую не хочется верить и с которой не хочется соглашаться.

Неужели это и есть правда? Стас не верил. Он не соглашался.

– Ну вот скажи, только честно скажи, чего тебе хочется больше – быть с Катюхой или стать одним из «ашников»? – Илья кивнул на запертую дверь.

– Быть с Катей и стать...

– Не-е, так не пойдет. Я тебе обозначил выбор: или Катюха, или стать. Что бы тебя устроило больше?

– Не знаю, – угрюмо ответил Стас. Так, наверное, честнее всего.

– Если бы ты любил Катюху, то ответил бы иначе, – улыбался ему Колдун.

– Если бы хотел стать «ашником» – тоже ответил бы по-другому, – парировал Стас.

– Не-е-ет. Если бы любил Катюху, ответил бы иначе, – повторил Илья. – Все остальное – ерунда.

На этот раз Стас промолчал.

– Ты не знаешь о себе всего, – улыбающаяся голова Ильи качнулась из стороны в сторону. Наверное, будь эта улыбка глумливой, Стас перенес бы ее легче. Появился бы повод для злости, обиды, ненависти к Колдуну. Но ничего подобного: улыбка была сочувствующей. Почти доброй. – О себе всего не знает никто.

– Никто? А ты, Илья? Ты знаешь о себе все?

«С твоей-то проницательностью?»

– Я пытаюсь себя познать. Но чем больше я себя познаю, тем меньше я знаю.

– Чем больше я знаю, тем меньше я знаю. Где-то я уже такое слышал.

– От меня, наверное, – пожал плечами Колдун. – Я часто говорю об этом, но к моим словам, которые слышат, не всегда прислушиваются. В некоторых вопросах человек склонен слушать только себя, и до него трудно достучаться.

– Поэтому ты заделался психологом?

Илья покачал головой:

– Психологом меня назвали другие, чтобы хоть как-то назвать. Сам я не верю в психологию и никогда ею всерьез не занимался.

«Интересно, почему я не удивлен?» – подумал Стас.

– Скажу больше, – Колдун перешел на заговорщицкий шепот, – я считаю, что психология – это лженаука, пытающаяся познать то, что на самом деле познанию не поддается, и потому лишь выдающая желаемое за действительное. Все попытки разложить по полочкам душу, сущность и внутренний мир человека – бесполезное занятие, изначально обреченное на провал. Просто после Войны всем понадобился некто... Некто...

Илья склонил голову набок, от чего его улыбка и прищуренные глаза-щелочки стали похожи на три косых разреза: два коротких маленьких и один длинный, большой, изогнутый, с зубами.

«“Некто” кто?» – мысленно спросил Стас.

– Универсальный священник всех религий вместе взятых, не разуверившийся в боге и не возненавидевший людей. Чуткий и внимательный исповедник, не порицающий, но внушающий надежду. Заботливый утешитель... обо всех в равной мере заботливый и всех без исключения утешитель. Ну и, если угодно, – психолого-психотерапевто-психиатр для экстренного вправления мозгов и душ. В общем, людям позарез стал нужен кто-то вроде меня. – Илья без малого не расплылся в своей лучезарной улыбке. – Кто-то, кого можно называть и психологом, и колдуном одновременно. Или поочередно, в зависимости от ситуации.

«Или кого можно называть психом», – подумал Стас.

– А кто из нас сейчас нормален? – как ни в чем не бывало спросил его Колдун.

Стасу сделалось не по себе.

– Может быть, мы уничтожили свои безумные города и загнали сами себя в подземные норы для того лишь, чтобы отстраниться, уединиться, докопаться, наконец, до своей истинной сути и разобраться в самих себе, – задумчиво продолжал Колдун, не убирая, впрочем, улыбки с лица. Улыбка эта теперь была совсем неуместной. – Тот, кто разберется в себе, Стас, поймет больше, чем тот, кто познает мир вокруг себя. А впрочем, что такое доставшийся нам

мир? Свихнувшаяся планета взбесившихся мутаций... Неинтересно. Мы приходим сюда в первую очередь для того, чтобы познать себя. Вот только человеческая жизнь так коротка.

– Приходим и все же умираем несамопознанными? – Стас попытался съязвить и немного разрядить обстановку.

– Не всегда. Не все, – глаза и улыбка Ильи казались застывшими. Невозможно было догадаться, о чем он сейчас думает. Разговор уходил куда-то не туда. Он, разговор этот, становился не очень понятным, но очень пугающим. – Иногда нам помогают завершить процесс самопознания.

– Кто?

– Двойники.

– Двойники? – Стас посмотрел на Илью с настороженностью и опаской. Ну, точно, Колдун начинал заговариваться. С ним это случалось. Как со всеми психами.

У каждого свои приступы...

– Есть у меня одна теория, – рот Ильи продолжал улыбаться, а голос при этом звучал глухо и совсем не радостно. Как такое возможно, Стас не знал. – Недавно вывел...

«Психолог-Колдун-теоретик, – ужаснулся Стас. – Гремучая смесь, должно быть». Даже предположить страшно, чем сейчас загрузят его несчастный мозг.

– Когда человек стоит на пороге смерти, у него появляется Двойник, которому надлежит сделать то, чего не сделал при жизни умирающий, исправить его деяния или постичь себя, если умирающему не хватило на это времени, сил и воли. Или просто дожить отмеренный срок за другого, у кого это не получилось. У каждого Двойника, как и у каждого человека, есть свое предназначение.

«Началось!» – беззвучно возопил Стас. Это была явно не психотерапия. Это больше походило на проповедь. В «Аид» забрел юродивый...

– Откуда он появляется, Двойник-то? Как? – все же не удержался и спросил Стас. О чем тут же пожалел.

На его вопрос последовал подробный и обстоятельный ответ. И такой же безумный, как первоначальное предположение Колдуна:

– Двойник возникает из ниоткуда, но сам он при этом уверен, что существовал раньше и ничем не отличается от других людей.

«А как же эти самые другие люди?»

– Более того, вся окружающая его реальность подстраивается под эту уверенность. Даже люди, среди которых живет Двойник, не сомневаются в том, что они знали его прежде.

Нет, определенно, это клиника. Бред. Полный. Полнейший. Илья окончательно свихнулся. Но бред сумасшедшего Колдуна все же чем-то завораживал Стаса.

– Двойники, которые приходят к нам, продлевают жизнь нашим мертвецам. И знаешь, Станислав, сдается мне, что только благодаря Двойникам человечество в этом проклятом мире еще не вымерло полностью.

От таких слов Стаса пробрал озноб. Больше всего его поразила уверенность Ильи. Словно Колдун действительно знал наверняка то, о чем говорил.

– Но ты сказал, это всего лишь теория, – негромко произнес Стас.

«Какая, на фиг, теория?! – орал внутренний голос. – Бредятина чистой воды!»

Илья кивнул:

– Теория. Имеющая практическое подтверждение. – Колдун все еще улыбался, только теперь – холодной и мертвой какой-то улыбкой. Он смотрел на Стаса в упор.

Мурашки, бегающие по спине, стали крупнее и проворнее.

– Почему ты так думаешь? Ну, насчет практического подтверждения?

– Я не думаю – знаю.

– Откуда?

– Я сам Двойник.

– Что?!

– У меня такое чувство.

– Это как?

– Просто. Чужие воспоминания. Чужие страхи. Имена людей, которых я не знал. События, которые я не переживал. Как это можно назвать?

«Шизофрения, вообще-то».

– Это... – Стас облизнул губы. – Это все тебе снится?

– Ага, снится, – уголки улыбающегося рта чуть дернулись. – Когда я не сплю. Наяву.

«Точно шиза! Причем, судя по всему, острая ее стадия». Стас затравленно стрельнул глазами по сторонам. Перед дверью в сектор «А» никого, кроме них, не было. Из-за двери за ними, конечно, тоже не наблюдают. Давно прошли те времена, когда из «офиса» велось наблюдение за коридором.

– И часто тебе такое...

Видится? Чувствуется? Вспоминается? Как сказать? Как спросить правильно?

– Часто, – кивнула улыбающаяся голова Ильи. – Вот сейчас, например.

Глаза Колдуна закрылись. Улыбка осталась – никуда не делась. При других обстоятельствах ее можно было бы назвать довольной и блаженной, но сейчас в этой улыбке было что-то жутковатое.

Губы Колдуна шевельнулись. Стасу показалось, будто он что-то шепчет.

Что-то вроде «Оленька».

И что-то вроде «Сергейка».

* * *

– Оленька?!

Он двигался в кромешной тьме.

– Сергейка?

И почему-то звал.

Кого-то...

Непроглядный мрак окружал и давил со всех сторон, не позволяя определить размеры помещения. Он видел только темноту, он шел через нее, как плыл. И дышал ею, а не воздухом.

Идти было неудобно. Под ногами – гравий и грязь, сгнившее дерево, ржавое железо.

Железная дорога? Метро?

– Илюша? Это ты? – женский голос. Настороженный, недоверчивый, но все же полный надежды.

– Папа! Папа! – удивленный и радостный голос ребенка.

– Вы... кто?

– А ты?.. – женский голос.

– Кто? – детский.

И еще звук. Далекий, но быстро, слишком быстро приближающийся. Догоняющий. Бездушный и беспощадный. Страшный. Отвратительный. И от этого шума не укрыться, не спастись.

Наверное, так разговаривала с ним темнота, по которой он шел-плыл и которой дышал. Да, темнота может так разговаривать с тем, кого собирается сожрать.

Стрекочущее «Чирихи-чирихи! Чирихи-чирихи!». Мрак вокруг словно заполняется бесчисленной ратью гигантских насекомых. И ведь правда – заполняется. Похоже на то. Ощущается неприятный резкий запах.

– Ты – он? – вопрошает женщина. – Или не он?
– Папа? – пугается ребенок. – Ты папа или не папа?

У него никогда не было ни жены, ни ребенка. Или все же были? Или не у него, а у того, другого, который вместо него или вместо которого сейчас он сам.

В каком-то другом месте.

В какой-то другой жизни.

А безжалостное «чирихи» лезет в уши и заглушает все прочие звуки, слова, мысли, вопросы.

Он бежит. Пытается бежать. Наугад, вслепую, выставив перед собой руки и протыкая пальцами густой мрак.

Спотыкается. Падает. Больно ударяется обо что-то.

Встает снова и опять бежит.

Сознание еще что-то улавливает... Сознание или все же воображение?

– Илья?

– Папа?

– Чирихи-чирихи! Чирихи-чирихи! Чирихи-чирихи!

Стрекот звучит уже не только сзади, за спиной. Справа и слева – тоже. И сверху. Сильно, резко воняет. Что-то шелестит под ногами. Касается ног. Раз, другой, третий...

Эти прикосновения чего-то жесткого, колючего, скрипучего и царапучего – омерзительны до жути.

Его догнал и теперь огибает живой поток, стремящийся погresti и поглотить, но не способный сделать это. Пока не способный. Словно пенная грязная вода во время наводнения обтекает большой камень. Но это не значит, что прибывающая вода не может затопить преграду.

Он спотыкается снова и снова падает. Из-под инстинктивно выставленных вниз рук что-то шарахается в стороны. Что-то твердое и гладкое, на ощупь похожее на хитиновый панцирь, каковым, по всей видимости, это «что-то» и является.

На этот раз встать он не успевает. Его все-таки накрывает волна.

Под нескончаемое «чирихи», слившееся с темнотой и уже ставшее ее неотъемлемой частью, по нему пробегают тысячи тонких длинных и цепких ног, усеянных шипиками. По нему проползают сотни остро пахнущих жестких, похрустывающих и шелестящих тел.

«Чирихи-чирихи!» А он лежит, прикрыв голову и свернувшись калачиком.

«Чирихи-чирихи!» А он орет в полный голос, но в оглушительном стрекоте, отражающемся эхом от невидимых стен и сводов, его крика почти не слышно.

«Чирихи-чирихи!» По нему движется живой хрусткий каток, к которому налипают все новые и новые тела и лапы. Их вес становится все больше. Вонь – все нестерпимее. И дышать все труднее, труднее, труднее...

– Муранча! Муранча! Муранча! – кричал кто-то. Где-то... Или не кричал. Или просто казалось, что кричал.

Илья Колдун открыл глаза.

И увидел перед собой чужие глаза: большие, испуганные, неморгающие. Незнакомые.

Нет, знакомые.

Не сразу, но все же он узнал Стаса. И вдруг понял, что продолжает ему улыбаться. Не потому, что почувствовал это: Илья просто увидел свое отражение в расширившихся глазах собеседника.

И от души порадовался, что перед ним сейчас не полноценное зеркало.

Глава 3

Камнегрызы

Это тоже было как приступ. Так же неожиданно и так же страшно.

Свет вырубился. Остались гореть только тусклые лампочки аварийного освещения. В их тревожном красноватом свете лицо Ильи с застывшей улыбкой показалось Стасу особенно жутким.

Стихло привычное и от того едва различимое гудение вентиляции, насосов и турбин. Стихли вообще все звуки. «Аид», до сих пор живший своей размеренной подземной жизнью, впал в подземную кому.

Аварийка трижды мигнула и полуумерла. Даже резервные лампочки светились теперь вполне.

За губы Колдуна по-прежнему цеплялась совсем уж неуместная сейчас улыбочка – мертвая и кривая, но прищуренные глаза смотрели не улыбочиво. Психолог конечно же всё понял. Все всё поняли.

Тройное мигание лампочек аварийного освещения – это общий сигнал по секторам. Это значит, что энергия отключена не из-за технического сбоя. Это значит, что...

– Камнегрызы? – без звука прошептали губы Стаса.

– Тихо, – таким же беззвучным эхом отразился ответ от улыбки Ильи.

Опасные мутанты были где-то рядом. Где-то снаружи, возле, а может быть, уже и над бункерами.

Поэтому и введен режим тишины. Заглушены турбины, отключены насосы и вентиляция. Электричество – только с аккумуляторов.

Даже разговаривать сейчас можно лишь вполголоса. А лучше – вообще помолчать. Даже двигаться следует крайне осторожно. А лучше – оставаться на месте и ничем не выдавать своего присутствия.

«Аид» замер в напряженном ожидании.

Стас, затаив дыхание, смотрел в низкий сводчатый потолок. Слабая лампочка аварийки над головой не столько освещала, сколько подкрашивала шершавый бетон с осыпавшейся штукатуркой в кровавый цвет. Казалось, что не пробитый светом полумрак начинает шевелиться и из темноты вот-вот появится зубастая пасть.

Камнегрызы – пожалуй, самые страшные хищники из тех, что расплодились в окрестностях Тагила. Даже одна такая тварь способна сожрать человека с потрохами и костями. А ведь эти мутанты не охотятся поодиночке. Обычно они передвигаются большими ползучими стаями. Впрочем, главная опасность не в этом. Чтобы добраться до пищи, камнегрызы источают и камень, и бетон, и металл. Если твари услышат добычу, их не остановит никакое препятствие. А слух у камнегрызов исключительный. Они – самые лучшие акустики, которым не нужна аппаратура.

Единственная защита от этой напасти – режим тишины.

За последнее время камнегрызы несколько раз появлялись в непосредственной близости от «Аида», но, как правило, их удавалось перехитрить. Лишь однажды стая ползучих тварей прорвалась в сектор «Д», находившийся ближе всего к поверхности. Мутанты умудрились услышать через вентиляционную систему крик младенца. В вентиляцию, правда, тварей не пустили, но они прогрызли скалу, бетонный купол перекрытия, расползлись по сектору и...

В общем, «дэшников» пришлось изолировать. Из обреченного сектора по внутренней связи звали на помощь и проклинали соседей, а «Аид» старательно соблюдал режим

тишины, пока вопли умирающих не стихли. Впрочем, это продолжалось недолго. Камнегрызы едят быстро и так же быстро уползают. Они не задерживаются надолго там, где не слышно добычи.

Тогда из всего сектора выжил только один человек – Илья Колдун. Во время атаки тварей он по чистой случайности оказался в межсекторном тамбуре, где и переждал бойню. У психолога хватило самообладания затаиться, не подавать признаков жизни и не пытаться покинуть опасное место. Возможно, именно после того случая Илья и тронулся рассудком. А чуть позже Гришко перевел его в «офис».

Когда твари убрались из «Д», от людей остались только кровавые потеки на полу, стенах и потолке, а от мутантов – множество дыр-червоточин в сводах. Сектор словно расстреляли сверху из крупнокалиберного пулемета и не очень жалели при этом патронов.

С тех пор сектор «Д» необитаем (восстановить поврежденные внутрисекторные коммуникации и полностью дезактивировать жилое пространство не удалось), а «айдовские» матери теперь при приближении камнегрызов пичкают неразумных младенцев грибной наркотой, которая свалит с ног и здорового мужика. Не все дети просыпаются после такого успокоительного. Зато камнегрызы в «Аид» больше не суются.

Не совались до сегодняшнего дня.

Стас оцепенело ждал и дышал через раз. Илья тоже стоял рядом, стараясь не шевелиться.

Ничего не происходило. А потом...

Потом произошло.

* * *

Давящую тишину разорвали чьи-то крики и беспорядочные автоматные очереди. Гулкое эхо покатило по подземным переходам, ударило по барабанным перепонкам. Звук, которому некуда было деться, затравленным зверем метался по «Аиду».

Это было хуже всего. Трудно придумать что-нибудь еще, что могло бы так привлечь внимание камнегрызов, как делает это стрельба из автоматов.

Но с другой стороны... Если где-то нарушили режим тишины и начали стрелять, значит, не стрелять было нельзя. Значит, камнегрызы уже в «Аиде»!

– Они здесь. – Илья снова будто читал мысли Стаса. Колдун смотрел в подсвеченный аварийкой коридорный полумрак и... Да, он опять улыбался! Даже сейчас улыбка не сходила с губ психолога. Правда, выглядела она теперь пострашнее любого оскала.

«Сумасшедший! – подумал Стас. – Псих-одиночка!»

Впрочем, сейчас самое время сходить с ума. Безумцам умирать не страшно.

Взгляд Стаса скользнул по бронированной двери сектора «А». Низенькая, массивная, с облупившейся краской и пятнами ржавчины. Через такую преграду человеку не прорваться. Но для камнегрыза даже эта дверь не является непреодолимым препятствием. Она лишь на некоторое время его задержит. Хотя если «ашники» будут сидеть за дверью тихо, то, может быть, и спасутся. Элита умеет спасаться всегда и везде.

И ладно. И пусть. Катя ведь тоже уцелеет.

Эта мысль, однако, не принесла облегчения. Ничего не попишешь: самому умирать под запертой дверью не хотелось. Хотелось спастись вместе с Катей. Вполне понятное человеческое желание.

Стрельба стихла. Для кого-то уже все кончилось.

Снова тишина. Но если камнегрызы прорвались, таиться больше не имело смысла.

Илья вытащил из кармана пиджака («Какой все-таки дурацкий у него наряд! Дурацкий, нелепый и такой неуместный в “Аиде”») магнитную карточку-ключ с «ашным» допуском. Ну да, конечно, Колдун тоже выживет. Он – «ашник».

Илья провел карточкой по щели электронного замка. Такой замок не нуждается в большом количестве энергии. Ему хватает скудного электрического потока от аварийного контура.

Отчетливо пискнув в тишине, замок скушал магнитку. Под бронированной поверхностью что-то несколько раз щелкнуло.

Тяжелая межсекторная дверь отворялась медленно-медленно, с тягучим скрипом, который непременно привлечет внимание камнегрызов.

Стас тупо смотрел на открывающуюся внешнюю и все еще запертую внутреннюю тамбурно-шлюзовые двери сектора «А». Впрочем, карточка Ильи отворит и ту, и другую. Вот сейчас Колдун войдет в тамбур. Потом так же медленно и скрипуче закроет перед его, Стаса, носом внешнюю бронедверь, и...

Колдун оглянулся.

– Чего стоишь, Фрейда тебе в задницу? – тихо прошипел он. – Идем.

– Я? – удивился Стас.

– А здесь есть кто-то еще, Юнга в печенку? Скорее, давай!

Стас нерешительно шагнул к запретной зоне «А»-сектора. Табу, которое ему предстояло нарушить, пугало сейчас не меньше пробравшихся в «Аид» мутантов.

В глубине темного коридора послышался шум и обозначилось смутное движение. Но тусклые мутно-красные аварийные лампочки не давали достаточно света, чтобы разглядеть, кто это.

Камнегрызы? Нет, пока не они. Кто-то бегущий от них.

Из полумрака вынырнула человеческая фигура, с ног до головы залитая красным. Слабый пульсирующий свет аварийки словно забрызгал её кровью.

«Скоро мы все будем такими кровавыми», – пронеслось в голове Стаса. За беглецом наверняка уже ползли твари.

Человек подбежал ближе. Рослый, широкоплечий. Часто оглядывающийся. «Химза» со сброшенным капюшоном, поверх – разгрузка с автоматными рожками и гранатами, противогаз на поясе, резиновые сапоги, сталкерские перчатки. Только что с поверхности. Возможно, даже не прошел дезактивацию. А кто бы ее проводил? Не до того сейчас.

«Калашников» в руках сталкера и костюм химзащиты были покрыты темными пятнами. И это уже не иллюзия, создаваемая аварийным освещением. Это была настоящая кровь. Только непонятно: человеческая или кровь мутантов.

– Лёня? – Илья узнал сталкера первым. Или узнал, или почувствовал: Колдун он и есть Колдун.

Беглец повернулся к ним. Да, это был Леонид. Начальник внешней разведки «Аида», приближенный Гришко. Мужчина Кати.

Удивительно, как сильно искажает черты пульсирующе-красное аварийное освещение! А впрочем, дело сейчас не в этом. Не только в этом. Что-то другое наложило отпечаток на Леонида. Причем, это другое отпечталось глубоко и сильно.

Мокрые волосы, перекошенное лицо, горящий взгляд. В глазах – влага, злость и вселенская тоска. Эти глаза видели то, чего человеку лучше не видеть.

– Куда?! – страшным голосом прохрипел Лёня, направив автомат на Илью и Стаса.

– Гришко вызывал, – спокойно ответил Илья сквозь холодную улыбку.

– Он – куда? – АК и тоскливо-злые глаза Леонида теперь смотрели только на Стаса.

– Он со мной!

– У него нет допуска.

– Послушай...

– И для него там нет места.

– Лёня, сейчас не время...

– Вот именно, Колдун! Не время. Камнегрызы в общей вентиляции.

«В общей?! – ужаснулся Стас. – Значит, уже расползаются по всему “Аиду”!»

Илья смотрел на Лёню. Застывшая улыбка, немой вопрос в прищуренных глазах...

– Защитный контур накрылся, – обреченно выдохнул сталкер.

Вентиляционные выходы на поверхность были самым уязвимым местом подземных бункеров. Но потому – и самым защищенным тоже. Дело тут не только во внешних бронезаслонках, укрепленных фильтрах, внутренних перегородках и решетках. Вентиляционные шахты находились под напряжением. Мощные аккумуляторы, работающие в автономном режиме даже в условиях полного обесточивания «Аида», и замкнутый на вентиляцию охранный электрический контур, подпитываемый напрямую с реактора, служили надежной защитой.

Любая забравшаяся в вентиляцию тварь изжарилась бы там заживо. Так было раньше. Но, видимо, беспощадное время внесло свои коррективы. Изношенное «айдовское» оборудование ломалось часто, однако никогда еще поломки не были столь фатальными. Если защитный контур вентиляции не сработал, значит, камнегрызы могли появиться где угодно. Даже в «А»-секторе. Уж обычные-то заслонки и перегородки их точно не остановят. И даже бронированные двери, по большому счету, ничего не решали.

– Колдун, заходи в тамбур, – требовательно дернул автоматом Лёня. – Открывай вторую дверь. А ты, – ствол «калаша» вновь уставился на Стаса, – пшел вон!

Стас отступил от дверного проема. Вспыхнувшая было надежда оказалась ложной. Конечно, его не пустят туда, куда у него нет допуска. Даже сейчас не пустят. Ему остается либо стать кормом для камнегрызов, либо получить пулю в лоб и все равно стать кормом. Но, может быть, пуля сначала все-таки предпочтительнее?

Стас остановился.

– Ну-ка, сдернул, мухой! – повысил голос Лёня. Сталкер терял терпение.

– Тихо! – шикнул Илья.

Улыбка, которую психолог вновь забыл убрать, так и осталась на его лице.

«Дж-ж-ж-ж», – послышался глухой монотонный звук.

Сталкер заткнулся, прислушиваясь. Завертел головой, задергал стволом.

«Ж-ж-ж-ж».

Кажется, звук шел откуда-то...

«Хр-р-рух!»

Обрушившиеся сверху куски бетона и штукатурки упали на Леонида.

* * *

Из дыры в потолке сухим водопадом хлынули песок и бетонное крошево.

«Камнегрызы! – пронеслось в голове у Стаса. – Вентиляция!»

– Твою ж мать! – Лёня отшатнулся от дверного проема.

В пыльном облаке видно было, как сталкер, кашляя и отчаянно матерясь, трет запрошенные глаза. Сквозь белую цементную пыль, оседавшую на волосы Леонида, сочилась кровь. Пламегаситель автомата дергался туда-сюда, рассекая сыплющиеся сверху пыльные струи и выискивая цель.

А цель – вот же она!

Из пролома в бетонном своде вывалилось и повисло в воздухе нечто, похожее на выпавший из креплений толстый жгут кабелей в грязном масле и с округлым массивным распре-

делителем на конце. Живой жгут. Шевелящийся. Ищущий. Изогнутый буквой «Г», будто перископ подводной лодки. Только не поднятый над водой, а опущенный сверху – окуляром вниз.

Здравствуйте, это я, камнегрыз. Кого сожрать?..

Стас замер. Никогда раньше он не видел этих тварей. И вот, пожалуйста – увидел. Вблизи. Во всех подробностях.

Из прогрызенной дыры еще что-то сыпалось. Но клубы пыли уже не могли скрыть тварь.

Длинное, лоснящееся, гибкое тело-хвост. Лишенная глаз каплевидная голова с маленькими точками ноздрей. Две раздувшиеся по бокам огромные слуховые полусферы – «уши» камнегрыза. Чем-то существо походило на гигантского головастика. Или на сперматозоид, как его изображают на старых картинках. Только вот ни у головастиков, ни у сперматозоидов нет широченной пасти с выступающими вперед острыми, мелкими зубками, способными искрошить скальную породу.

«Чок-чок, чок-чок, чок-чок»... Сильные челюсти монстра быстро-быстро двигались. Между маленьких крепеньких зубок сыпались струйки измолотого в песок бетона.

Камнегрызы – слепые, но от этого не менее опасные мутанты, способные передвигаться по земле и под землей. Причем, передвигаются они довольно быстро.

Вот и на этот раз заминка не была долгой. Свисавший с потолка камнегрыз выбрал самую шумную из трех оказавшихся поблизости жертв – матерившегося Леонида. Резко качнувшись в воздухе, тварь бросилась к добыче.

В сознании Стаса этот прыжок отпечатался четко, как след сапога в подсыхающей грязи.

Гибкое тело мутанта, словно толстый шланг – гладкий, влажный, облепленный пылью, – выскользнуло из прогрызенной норы. Голова-набалдашник широко раскрыла зубастую пасть-капкан.

Однако и сталкер медлить не стал. Грянула короткая автоматная очередь. Леонид не промахнулся. Тугая звуковая волна хлопнула по ушам. Взвизгнули рикошеты.

Пули срезали тварь в полете. Разнесли голову. Отбросили камнегрыза в сторону.

Слуховые наросты лопнули словно воздушные шарики. Нижняя челюсть, усеянная несколькими рядами маленьких острых зубок, отлетела к межсекторной бронедвери. Извивающееся тело шмякнулось о стену, оставив на ней влажные потеки, и забилося в пыли, разбрызгивая темную кровь. Ну, точно шланг под напором!

Увы, эта победа не спасла Леонида, а лишь отсрочила его гибель. Ш-ш-шшух! Ш-ш-шшух! Ш-ш-шшух! Ш-ш-шшух! Из дыры на звук выстрелов хлынул целый поток камнегрызов. Длинные гладкие тела, шурша друг о друга, валились на пол. Игнорируя застывших в неподвижности Стаса и Илью, мутанты устремились к сталкеру, который производил больше шума.

«Чок-чок! Чок-чок! Чок-чок!» – щелкали челюсти.

– Суки! Падлы! Твари! – Лёня снова открыл огонь – судорожный и неприцельный.

Сначала – по дыре в потолке, стараясь рассечь живую струю сыплющихся сверху мутантов.

Брызнула кровь, полетели ошметки перерубленных автоматными очередями тел, но остановить тварей не удалось. Леонид, птясь, принялся расстреливать камнегрызов, ползущих в его сторону.

Пули вспарывали и рвали шевелящиеся клубки на полу. Дергались и брызгали кровью раненые мутанты. Но живая масса ширилась, росла и надвигалась, словно приливная волна.

Сквозь грохот выстрелов снова пробивался пронзительный визг рикошетов. Две или три пули звякнули о раскрытую межсекторную бронедверь.

Все было бесполезно. Камнегрызы, словно замороженные автоматными очередями, ползли мимо двух человек к третьему. Подползали. Наползали.

«Сначала сожрут его, потом – нас с Колдуном», – подумал Стас. Но даже шевелиться сейчас было нельзя: малейший звук и движение воздуха могли привлечь чутких тварей.

Леонида снова засыпало штукатуркой и бетонным крошечком. А в следующую секунду сверху прямо на плечи сталкера упали еще два камнегрыза.

Автомат захлебнулся.

Лёня закричал так, что у Стаса волосы встали дыбом. Длинные гибкие тела обвились вокруг сталкера. Хлынула кровь.

Стас увидел, как отвалилась и упала вместе с автоматом перекушенная у предплечья правая рука в грязном резиновом рукаве.

Леонид повалился сверху. Наползающий живой ковер накрыл его с головой, раздирая в клочья резину «химзы», кожу и плоть. Жуткое зрелище. Особенно в красном свете аварийки. А сталкер все кричал и дергался под слоем копошащихся камнегрызов. Даже зубы тварей, прогрызавших скалу, не могли убить человека сразу. Что ж, человек – живучее существо. Иначе он не смог бы пережить смерть своего мира.

Из шевелящейся чавкающей массы выкатилась граната. То ли оторвалась от растерзанной разгрузки, то ли была выплюнута камнегрызом, то ли Лёня попытался уцелевшей рукой подорвать себя и избавиться от мучений. Попытался, но не смог.

Округлая, перемазанная кровью болванка подкатилась к ногам Ильи. Кольцо – на месте. Значит, не рванет.

А лучше бы рванула. Лучше бы, чтобы все закончилось побыстрее.

Впрочем, все и так не затянется надолго.

Леонид, кажется, еще слабо хрипел и дергался. Одни камнегрызы терзали тело сталкера, другие сползались на шум кровавого пиршества. Из двух прогрызенных дыр в потолке выпадали все новые и новые твари. «Чок-чок-чок! – разносилось по коридору. – Чок-чок-чок!»

Когда предсмертная агония Лёни стихнет и его останки растерзают, ничто не будет отвлекать внимание камнегрызов от поисков новой добычи. И они найдут, конечно. И Стаса найдут, и Колдуна: в полной тишине, да на такой дистанции камнегрыз обязательно услышит жертву – ее дыхание, стук сердца, шелест одежды.

Но пока слепые мутанты, привлеченные шумом пожирания и умирания, проползали мимо. Блестящие, лоснящиеся и присыпанные пылью тела в тусклом красноватом освещении напоминали кровавую реку, которая текла на расстоянии нескольких шагов. С одной стороны – эта ужасная река, с другой...

Стас покосился на открытый тамбур. Заскочить бы сейчас туда, закрыть бы хотя бы внешнюю дверь. Отгородиться от мутантов – пусть на время. Нет, не успеть! Движение выдаст их присутствие, а тяжелая бронированная дверь закрывается так медленно и с таким скрипом!

За шлюзом царила тишина: «ашники» тоже затаились. Оттуда сейчас помощи не дождешься.

В общем-то, делать нечего. Вот разве что... Стас снова взглянул на гранату у ног Ильи.

Кажется, психолог опять прочитал его мысли. Колдун быстро, но при этом осторожно, стараясь не шуметь, нагнулся. Схватил лежавшую на полу гранату. Все правильно: подорваться самим – самый лучший выход. Лёня не успел, зато они успеют. Ну, наверное, успеют.

* * *

Неуловимое для человеческого уха действие Колдуна тут же привлекло тварей. Даже несмотря на шумную грызню над телом сталкера, камнегрызы услышали...

В их сторону повернулся один мутант, второй, третий... Отдельные твари выбивались из общего потока. Останавливались и застывали в змеиной стойке, покачивали головами на длинных шеях, щелкали зубами.

«Чок-чок! Чок-чок!»

Раздували слуховые наросты. Прислушиваясь. Впитывая звуки, как запахи.

Колдун держал гранату в одной руке. Палец другой – продет в кольцо. На напряженном лице – все та же застывшая улыбающаяся маска. «Да сколько же можно улыбаться?!» – захотелось заорать Стасу.

Разумеется, он промолчал.

Щелчок выдернутого гранатного кольца – как команда «фас». Камнегрызы дернулись было на звук, но Илья уже швырнул гранату куда-то через открытую бронедверь.

Зачем?!

Из-за двери не видно было, куда именно полетела «лимонка», но по звуку это можно было определить. «Звяк!» – металлическая болванка ударилась об стену. И – «тук-тук-тук» – звонко застучала об пол.

Камнегрызы растерянно замотали головами. Несколько мутантов сорвались на шум, преследуя новый источник звука.

«Тук, тук, тук» – все катилась и катилась граната. Хороший бросок.

«Чок-чок-чок», – гнались за ней мутанты.

Так вот оно что! Вот что задумал Илья. Вот почему улыбается.

Стас тоже улыбнулся.

А ведь это может отвлечь тварей. Да, наверняка отвлечет!

Секунды текли, как загустевшая кровь из старой раны. Одна, вторая, третья...

Отблеск короткой вспышки на миг перебил тусклое свечение аварийки. От взрыва в замкнутом пространстве зазвенело в ушах. Завизжали осколки. Что-то звякнуло о бронированную дверь. Если бы не она – могло бы и задеть. Сверху, как черви из куска гнилого мяса, посыпались новые твари. Да сколько же их здесь?!

Грохот взрыва чуть не оглушил Стаса. А каково камнегрызам с их чуткими ушами-локаторами?!

А таково! Тварей словно сдуло. Только не от эпицентра взрыва. Наоборот – к нему. Будто чья-то рука сдернула шевелящееся на полу живое одеяло туда, откуда отчетливо потянуло дымком.

Камнегрызы схлынули, как вода в открывшийся слив.

Ошалевшие, оставляя за собой влажный след, они ринулись на шум, даже не закончив трапезы.

Лучше бы закончили...

Стас мельком глянул на то, что осталось от Леонида. Бр-р-р! Изгрызенное, размазанное, растащенное месиво костей, плоти, кишок и резины. Кровавые пятна в кровавом свете. На человека это походило мало. Ну, разве что на человека, попавшего в гигантскую мясорубку. В лужах крови лежали искореженный автомат с расщепленным прикладом, несколько магазинов и гранат в обрывках разгрузки.

Сверху упало еще с полдюжину ползучих головастиков, которые тут же устремились вслед за остальными.

Впрочем, не все. Последняя тварь, видимо, услышала затаившихся людей. Повернула назад, поползла по опустевшему коридору обратно. Потянула голову к открытой бронедвери, распуская слуховые наросты. Едва не коснулась пастью Ильи. Но один камнегрыз – это не стая.

Колдун поступил неожиданно, рискованно, почти безрассудно. Но, наверное, правильно. Он быстро и сильно пнул справа по раздувшейся перепончатой полусфере. Слуховой нарост беззвучно лопнул, брызнув мелкими темными каплями.

«Чок-чок!» – Камнегрыз машинально отдернулся в сторону Стаса.

Но тот уже понял, что надо делать. Стас принял голову мутанта, как мяч, переданный точным пасом. Коротко и что было сил ударил ногой слева.

Лопнул второй слуховой нарост. Дезориентированная, слепая, а теперь еще и оглохшая тварь растерянно замотала башкой, вертясь на одном месте и беспрестанно чокая.

Шум скоротечной схватки привлек внимание еще десятка полтора мутантов: камнегрызы снова ползли к ним из коридора.

Илья шагнул к тамбуру. Стас, не дожидаясь приглашения, последовал за ним. Тамбурно-шлюзовая камера сектора «А» встретила негостеприимным ржавым металлом и потрескавшимся пластиком. Не стовариваясь, вдвоем они потянули на себя открытую внешнюю бронедверь шлюза.

Скри-и-ип! Сейчас он показался Стасу оглушительно громким.

Камнегрызы ускорились. Но не успели. Дверь уже...

– Закрылась! – выдохнул Илья, услышав сухой щелчок замка.

Снаружи стукнули в металл. Потом послышался противный – з-з-зь-з-з-зь-з-з-зь! – сверлящий звук, от которого заныли зубы.

– Прогрызаются, заразы, – оскалился Колдун. Он снова держал в руках свой ключ-магнитку. Хорошо все-таки в такую минуту быть рядом с человеком, который имеет полный доступ ко всем секторам. Ключ-карта Ильи открыла внутреннюю тамбурную дверь так же легко, как и внешнюю.

Следом за «айдовским» психологом Стас вошел в «офис», куда не имел права входить.

Глава 4 Бегство

Небольшой, разбитый на стеклянные, хорошо просматриваемые закутки-кабинетки зал безмолвствовал. Освещение тут оказалось получше, чем в коридоре, без зловещего красного оттенка и нервующего мигания, но тоже не яркое. Аварийное питание все-таки, экономный режим...

В «офисе» было тихо, однако не безлюдно. В сторону Стаса и Ильи снова смотрел автомат. На этот раз их держал на мушке начальник «аидовской» охраны Киря. Гостеприимный такой приемчик, ничего не скажешь. Глаза Кири были похожи на срез пламегасителя АК в руках начохра. И там, и там – бесстрастная мертвая темнота, способная умертвить также и любого, на кого будет обращена.

Стас глянул за широкие плечи Кирилла. Катя? Ага, вон она, тоже здесь. Сидит за стеклянной перегородкой, растерянно хлопает глазами, мнет в руках снятые с головы наушники. Кто еще? Атомщик Додик, компьютерщик Михеич, медичка Таня, радистка и полковничья супружница Вера. В общем, весь «офисный» костяк в сборе. Этих «ашников» знали все. Нет здесь только самого Гришко. И – да, еще нет Лёни. Но его уже не будет в этой компании никогда. Да и в любой другой тоже.

«Ашники» сидят тихо, как мыши: уже в курсе, что за дверью хозяйничают камнегрызы.

«З-з-зь! З-з-зь! З-з-зь!» – маленькие крепкие зубки сверлили внешнюю бронедверь межсекторного тамбура.

Илья закрыл внутреннюю дверь шлюза. Плотной запертая, она отсекала неприятный звук. Но это, конечно, не означало, что камнегрызы прекратили грызть наружную дверь. И это не значило, что они не доберутся до внутренней.

– Стоять! – едва слышно прошипел Киря. Понятное дело: лишний шум сейчас никому не нужен.

А Илья и Стас и так стояли на месте. Колдун, как водится, лыбился своей идиотской улыбкой.

– Меня вызывал полковник, – вполголоса сказал он.

– Знаю. Лёня где? – Киря обращался исключительно к Илье, игнорируя Стаса. Пока игнорируя.

Странно было, что такой приглушенный опасливый шепот исходит от уверенного в себе и своих силах начальника охраны. Раньше Киря говорил мощным раскатистым басом. Но сейчас – не раньше. Сейчас в «Аиде» полно чутких камнегрызов.

– Леонида больше нет, – тихо и просто ответил Колдун.

Илья по-прежнему улыбался, но его улыбка не была глумливой или насмешливой. Сейчас она была печальной и соболезнующей.

– Камнегрызы, – добавил Колдун после небольшой паузы.

Стас видел, как Катя прикусила губу и прикрыла лицо ладошками. Неужели расслышала? Она – акустик, она могла. Или прочла по губам.

Наверное, смерть Лёни стала для Кати большим потрясением.

– Уверен? – насупился Киря.

– Мы видели.

Стас кивком подтвердил слова психолога. Они видели... Перед глазами до сих пор стоит кровавая мешанина мяса и резины в тусклом свете аварийных ламп.

Разговор по-прежнему велся на пониженных тонах. Это было неправильно, неприлично, неестественно.

– Значит, Лёня погиб, а вы прошли? – тихо-тихо процедил Киря.

– Да, – все с той же печальной улыбкой кивнул Колдун. – Так все и было. Нам повезло, ему – нет.

«И если бы он не погиб, мы бы не прошли», – мысленно дополнил его ответ Стас.

Киря повернулся к нему, словно подслушав. Теперь глаза и автомат в руках начохра недружелюбно смотрели только на Стаса.

– А ты что здесь забыл? Твое место в «Г».

Что ж, макнули. По полной. Всей рожей. Стас открыл рот, еще не зная, что сказать, но за него ответил Илья:

– Там камнегрызы. – Колдун сказал это все так же тихо и все так же улыбаясь.

– У тебя нет допуска в сектор. – Киря не слушал. Он сверлил Стаса глазами, как камнегрызы сейчас сверлят дверь своими маленькими острыми зубками.

Стас вспомнил Лёню. Как же все-таки похожи эти двое. Только сталкер уже мертв, а начохр – жив. И это большая проблема.

– Там камнегрызы, Киря, – повторил Колдун. – Надо было оставить парня им?

– Может, и надо было. – Киря держал Стаса на прицеле и не убирал палец со спускового крючка. – Может, если бы ты оставил за дверью его, тогда прорвался бы Лёня.

Боясь привлечь внимание камнегрызов, они шипели друг на друга на предделе слышимости, как две змеи. И это было даже страшнее, чем ругань в полный голос.

– Он не прорвался бы, – качнул головой Илья.

В дальнем конце «офиса» открылась дверь. Гришко!

Полковник на секунду замер, окинув взглядом помещение. Благо, невысокие стеклянные перегородки не препятствовали обзору.

Широким быстрым шагом Гришко вышел на середину «офиса». Теперь все взгляды были прикованы к полковнику. Киря, опустив автомат, тоже посмотрел на Гришко.

– Где Лёня? – в отличие от Кири полковник говорил своим обычным голосом – громко, четко, спокойно и уверенно. Словно плевать ему было на камнегрызов. Словно и не было их вовсе.

– Погиб. – Киря, следуя примеру начальства, тоже повысил голос и прибавил уверенности. – Эти говорят... – начохр указал кивком на Илью и Стаса, но закончить фразы не успел.

– Ты здесь откуда нарисовался? – присутствие Колдуна Гришко не удивило. А вот Стас...

Стас замаялся. Под суровым взглядом пытливых полковничьих глаз он чувствовал себя хуже, чем под прицелом Кириногo автомата.

– Я... я...

Полковник смотрел на него, морщил лоб и о чем-то размышлял.

– Я...

– Он может пригодиться, – с улыбкой вставил Колдун. – Раз уж Лёни нет, еще один человек нам не помешает.

– Такой – помешает, – буркнул Киря.

– Нам нужно его взять. – Илья сделал упор на слове «нужно». И смотрел он при этом не на начохра, а на Гришко.

«З-з-зь! З-з-зь!» – послышалось из шлюза. Невероятно! Неужели твари уже прогрызли внешнюю дверь и принялись за внутреннюю? Или они пробрались в тамбур по вентиляции? Так, как могут, кстати, пробраться и сюда.

– Ладно. – Полковник отмахнулся. – Некогда. Пойдешь с нами.

«Куда?» – не понял Стас, но вовремя прикусил язык. Судя по виду полковника, да и вообще – по обстановке, вопросов лучше не задавать. Лучше идти, куда поведут.

«Только бы не начался приступ, – промелькнула тревожная мысль. – Только бы не сейчас!»

– Если что – прикроешь отход, – небрежно бросил Гришко.

«Отвлечешь внимание. Станешь приманкой. Задержишь тварей своей смертью, как сделал это Леонид», – последнюю фразу полковника можно было трактовать и так. Пожалуй, именно так ее и нужно было трактовать. Ему ведь даже не выдали оружия. А прикрывать кого-то без оружия можно только своим телом.

– И постарайся сдохнуть поскорее, – слышался злой шепот Кири. – Хвостопад, твою мать!

Стас понял: с начохром у него дружбы не получится. Кире явно не нравилось, что вместо подготовленного бойца, опытного разведчика и сталкера на хвост группе упал ничемный балласт из сектора «Г».

– Все – ко мне в кабинет, – спокойно, по-деловому приказал Гришко. Как будто вызывал на планерку.

В кабинет? Очень интересно... Гришко намерен держать оборону там?

Никто ни о чем не спрашивал, и Стас вместе со всеми молча отправился в полковничий кабинет.

– Михеич, что с вентиляцией сектора? – на ходу спросил Гришко.

– Межсекторные и внутрисекторные заслонки закрыты, – доложил старый компьютерщик. – До «ашных» шахт эти долбанные камнежоры пока не добрались.

– Как долго их задержат заслонки?

– Да шут его знает! Несколько минут.

– Точнее?

– Надеюсь, минут шесть-семь у нас есть.

– Михеич, не зли меня! Еще точнее? И давай без «надеюсь», а чтоб наверняка.

– Если наверняка, то пять минут с копейками гарантирую.

– Быстрее! – поторопил подчиненных Гришко.

В кабинет они уже не вошли – вбежали. Просторный такой кабинетик, кстати, с массивным столом посередине и со старым кожаным диванчиком. Здесь, наверное, полковник со своей Верой развлекается.

Гришко остановился перед огромной – во всю стену – картой России.

«Фига ж себе!» – озадачился Стас. Интересно, зачем полковнику, который безвылазно сидит под землей, такие просторы и с такими подробностями?

Что сделал Гришко, пока Стас пялился на карту, он так и не понял. Наверное, что-то где-то нажал.

Карта, словно огромный полог, поднялась вверх, открыв дверь в стене.

Потайной ход никого не удивил. Даже Колдун, кажется, был в курсе. Или просто мастерски скрывал свои чувства под непробиваемой улыбочкой.

– Время пришло. Вы все знаете, что делать, – сухо сказал Гришко. Покосился на Стаса, добавил: – Ну, почти все.

И открыл дверь.

* * *

Ход шел под уклон. Ровный пол – вниз, вниз и вниз. Округлый свод, бетонные стены без отделки, связки бесконечных кабелей, все тот же слабый свет аварийки.

Стас шел замыкающим, прикрывая группу от нападения с тыла. Ну, якобы прикрывая...

К счастью, никто пока на них не нападал: даже камнегрызам требовалось какое-то время, чтобы прогрызть бронированную дверь и заслонки вентиляции.

Было совсем непросто двигаться вперед, смотреть назад и не отставать от группы.

– Где мы? – не выдержал Стас.

– Нижний ярус «А»-сектора, – ответил Илья.

Колдун шел рядом.

– Здесь есть еще и нижний?! – удивился Стас. Насколько ему было известно, дном «Аида», был как раз «офис».

– Здесь много чего есть еще.

– Не знал.

– Тебе не положено.

Стас замолчал. Неприятное все-таки чувство, когда понимаешь, что от тебя что-то скрывали столько времени. Вот для чего, оказывается, нужны все эти допуски и бронированные межсекторные двери.

Коридор закончился еще одной бронедверью. Гришко без труда открыл ее своим ключом-магниткой. А за дверью...

Жуть!

В первый момент Стасу показалось, будто они, все время спускаясь вниз, в итоге каким-то образом выбрались на поверхность. Сколько свободного пространства! Стас никогда не видел столько в «Аиде». Под землей столько простора не бывает. Не может быть!

Но они находились под землей.

В пещере? Бункере?

Ни то, ни другое.

Это был огромный зал-ангар, освещенный тускло, но все же достаточно хорошо для того, чтобы рассмотреть...

– Что это? – Стас уставился на серую махину, размеры которой вполне соответствовали размерам ангара.

– Наш камнегрыз, – усмехнулся Гришко.

– Что?

– Субтеррина.

«Ага, совсем понятно!» Стас недоуменно уставился на полковника.

– Подземная лодка, – снисходительно пояснил тот. – Геоход. Подземоход...

– Подземная?! – у Стаса округлились глаза. О подводных лодках ему слышать приходилось. Но подземная!.. Как это? Она плывет под землей, что ли? Или идет? Едет?

Однако Гришко больше не стал тратить времени на объяснения.

– Киря, люк! – велел полковник.

Начохран бросился исполнять приказание. В пустом зале эхо от его быстрых шагов звучало долго и зловеще. Потом пугающе лязгнул металл.

И вновь никто, кроме Стаса, удивления не проявил. Видимо, все собравшиеся здесь были в курсе, куда и зачем шли. Хорошо работать в «А»-секторе и всегда быть в курсе. Но все же определенная нервозность в поведении «ашников» присутствовала. И, похоже, вызвана она сейчас не только камнегрызами, которые скоро доберутся и сюда. Почти физически ощущаемый мандраж шел от другого – от того, что им всем предстоит.

А предстояло, судя по всему, путешествие в ЭТОМ. В подземной лодке.

Бред? Спасение?

Стас ошалело пялился на... Субтеррина – так, вроде бы, ее называли? До чего же все-таки она...

– Какая странная машина, – пробормотал Стас. – И какая здоровенная!

– Прямо как большая гусеница, – сказал Колдун. Улыбаясь сказал, но очень серьезно.

– Таких гусениц не бывает. Не может быть гусениц таких размеров.

– Может. – Илья говорил очень уверенно. Как будто знал. – Сейчас может быть всякое.

Ты не видел муранчинной королевы.

– Кого я не видел?

– Неважно. – Илья отвернулся.

Стас только пожал плечами. Колдун – он и есть колдун. Но вообще-то ему самому подземная лодка больше напоминала другое.

На что она похожа? Ну, если грубо, если очень грубо – то на гигантскую металлическую сигару (Стас видел сигары на старых картинках), на запаянную трубу или на огромный снаряд. Хотя, пожалуй, все же самую стойкую ассоциацию эта махина вызывала с ракетой. Да, именно так: ракета, спрятанная в земле. Причем не установленная в ракетной шахте носом вверх, а расположенная в горизонтальной плоскости.

Только такая «ракета» создавалась явно не для полетов.

Вся носовая часть механизма представляла собой мощную систему буровых головок с устрашающими фрезерами и узкими соплами – видимо, для подачи буровой смеси на рабочую поверхность. Дальше за буром добрую треть корпуса опоясывал спиралью мощный винтообразный шнек с сильно выступающими ребристыми гранями. Пресловутый винт Архимеда, предназначавшийся либо для «вкручивания» машины в породу, либо – для утрамбовки и выпихивания измельченного грунта назад.

Пространство от шнека до кормы занимали выдвигные гусеничные шасси, также расположенные по спирали снизу, сверху и с боков. В каком бы положении ни оказалась «подземная ракета», гусеницы будут толкать ее в нужном направлении. Кроме того, гусеничные платформы позволяли субтеррине передвигаться в пустотах и нишах, где буру и носовому винту не за что зацепиться.

Между гусеницами тянулись глубокие желобки. Скорее всего, они служили для отвода измельченной породы во время движения. Кроме того, их можно было использовать в качестве ступеней и выступов, чтобы лазить по этой огромной машине снаружи. Для лазания годились также и маленькие крылышки с острыми передними кромками. Видимо, основным их предназначением являлась стабилизация положения подземной лодки, чтобы во время движения она не крутилась вокруг своей оси. Так, во всяком случае, решил Стас.

В кормовой части располагался выдвигной широколопастный гребной винт, до поры до времени утопленный в защитный «стакан». Такой, наверное, используется для хода по воде. По задней кромке торчали подвижные, похожие на лапы гигантских насекомых стальные штанги на шарнирах-сочленениях. Видимо, они толкают подземный снаряд-ракету вперед по прорытому ходу. Или при необходимости тянут его назад.

На сером корпусе, ближе к корме, красовалась надпись «БК-7». Как раз под буквой «Б» Киря возился с люком, подогнанным настолько плотно, что, пока овальная дверца не выдвинулась и не открылась, трудно было даже определить точку входа в удивительную машину.

– Все внутрь! – последовало новое распоряжение Гришко. – Быстро!

* * *

Темная металлическая кишка, в которой они оказались, была забита какими-то приборами, панелями, тянущимися вдоль стен грязными трубами и толстыми связками кабелей. Только посередине оставалось небольшое пространство для перемещения экипажа, разделенное переборками и овальными полудверьми-полулюками с двусторонними герметичными запорами, круглыми ручками и маленькими окошками.

Люди в потрохах этого холодного безжизненного монстра казались такими же лишними, неуместными и ненужными, как огненные искры в чашке с водой. Или как лучезарная улыбочка на озабоченном лице Колдуна. Тем не менее, едва войдя внутрь, люди наполнили машину деловитой суетой.

В темноте вспыхнули фонарики. Причем, не ясно было, то ли подчиненные Гришко вытащили их из карманов, то ли взяли уже где-то здесь, в субтеррине.

Полковник сыпал быстрыми короткими приказами:

– Задраить... проверить... запустить... отсек управления... боевой отсек... реактор... система... связь... ходовая... навигация... бур...

Стас улавливал лишь отдельные слова, а понимал в происходящем еще меньше.

Кто-то его толкнул, кто-то пихнул.

С грохотом закрылся люк шлюзовой камеры, через которую все они попали в подземную лодку. По гулкому металлическому полу загремели быстрые шаги. Залязгали двери внутренних перегородок.

А еще некоторое время спустя мертвая машина пробудилась и ожила. Пол под ногами завибрировал, загорелись – и довольно ярко – лампочки под потолком. Что-то где-то заурчало, зарокотало.

Каждый «ашник», судя по всему, знал свое место. Все хорошо представляли, что нужно делать или как не мешать тем, кто что-то делает. Все, кроме Стаса.

К счастью, Колдун взял шефство над растерявшимся «гэшником». Протащив его по кишке-коридору через перегородочные двери, Илья втокнул Стаса в какой-то тесный закуток.

– Жилой отсек, – улыбаясь по своему обыкновению, пояснил Колдун. – Здесь отдыхают между вахтами.

Стас осмотрелся. Вообще-то «жилой» – это слишком громко сказано. Нет, он не был избалован, но даже после подземной «айдовской» жизни в весьма стесненных условиях тут ему казалось ну очень некомфортно.

Пара узких коек одна над другой и такой же узкий проход – вот, собственно, и все «жилье». И кстати... Если это место предназначено для отдыха между вахтами, то какими изматывающими тогда должны быть вахты?

– Ничего, привыкнешь, – пообещал Илья, многозначительно хмыкнув.

Что ж, по крайней мере, здесь им никто не мешал, и они ни у кого не путались под ногами. Это сейчас главное.

– Располагайся, – посоветовал Колдун все с той же дурацкой ухмылкой. – Чувствуй себя как дома. Теперь твой дом здесь, Станислав.

Стас вздохнул. Не самая приятная новость, вообще-то. Но остаться снаружи и быть сожранным камнегрызами было бы хуже.

Под потолком захрипел упрятанный где-то за трубами и кабелями динамик.

– Внутренняя связь работает. – Стас едва узнал искаженный голос Веры.

И сразу же...

– Додик, что с реактором?! – спросил в динамике голос Гришко.

– Запуск, – ответил атомщик. Вообще-то нельзя было сказать, чтобы его дребезжащий голос излучал оптимизм. – Первая стадия. Пока без осложнений.

Стас поежился. Это Додиково «пока» ему не понравилось сразу. Какое-то не очень внушающее доверие словечко.

– Михеич, проверка общей системы! – снова Гришко.

– Проверка идет, – прогундосил Михеич. – Система пашет. Вроде как.

«Вроде как» вообще-то тоже ненамного лучше, чем «пока без осложнений». Но Гришко сейчас к словам не цеплялся.

– Киря, боевой отсек? – полковник продолжал опрос.
– К бою готов, – бодро отрапортовал начохр. – Пулеметная турель выдвинута. Прицелы открыты.
– Без команды не стрелять.
– Есть.
Хрипловатая внутренняя связь становилась все более внятной: видимо, Вера что-то настраивала по ходу дела.
– Доложить о готовности к старту, – потребовал Гришко.
– Готовность реактора сорок восемь процентов, – после секундной заминки отозвался Додик. И добавил: – Рано еще.
– Расчетное время полной готовности?
На этот раз Гришко ответа от Додика не услышал.
– Камнегрызы! – снова вклинился в переговоры басок Кири. – Камнегрызы в ангаре!
«Уже! – ужаснулся Стас. – Так быстро?»

* * *

– М-мать! – Гришко выругался. Полковник не сдерживал чувств. Он все-таки недооценил тварей. Экипаж не успевал подготовить подземлодку к старту. Гришко захотелось с досады садануть кулаком по пульту.
– Прошу разрешения открыть огонь, – судя по голосу Кири, начохр нервничал.
– Нельзя! – процедил Гришко в микрофон внутренней связи. – Мы соберем стрельбой всех тварей!
– Мы их уже собираем! – флегматично заметил Михеич. – Машина работает.
Машина действительно работала. Вибрация усиливалась, приглушенное бухтение двигательной установки разносилось по субтеррине. Но это здесь, внутри, оно приглушенное. А снаружи все гораздо громче. А с учетом эха – еще громче. Потому и лезут камнегрызы сюда, как шальные.
– Выдвигаю перископную мачту. – Гришко решил лично оценить обстановку.
На субтеррине имелись две телескопические выдвижные мачты: внешней связи и перископная. Первая сейчас была не нужна, а вот вторая...
Пальцы полковника пробежались по пульту управления. На экране перед командирским креслом появилось изображение.
Мачту с мини-буром, цифровыми камерами, приборами ночного видения, тепловизорами, дальномерами и оптико-волоконным кабелем полковник поднял совсем чуть-чуть. Пока субтеррина находится на перископной глубине, это приспособление могло легко пробуриться сквозь плотный грунт и показать четкую картинку с поверхности в любое время суток и при любом освещении. Но сейчас ничего бурить не нужно. Сейчас нужна только картинка.
Картинка снаружи ужасала: проклятые мутанты уже растекались по ангару и сыпались с потолка прямо на титановый корпус.
– М-мать! – повторил Гришко, запоздало осознав свою ошибку. Одна из камер зафиксировала камнегрыза, набросившегося на выдвижную мачту. Видимо, чуткую тварь привлекло жужжание перископа. На какой-то миг весь экран заполнила зубастая пасть.
Полковник попытался втянуть перископ обратно. Поздно!
Изображение исчезло со всех камер сразу. Скорее всего, тварь попросту перекусила мачту. Скверно! Еще до старта они остались без перископа.
Теперь происходящее снаружи можно было видеть только через оптику боевого отсека. И Киря, конечно, видел.

- Прошу разрешения... – начохр нервничал все сильнее.
- Разрешаю! – выплюнул Гришко. – Огонь!

Ничего другого уже не остается.

В звук работающего двигателя вплелся новый шум: пулеметная стрельба. Киря лупил из двух спаренных стволов. «Тум-тум-тум-тум-тум-тум!» – звук очередей звучал глухо и отдаленно. Как ненастоящий,

как из другого мира. Но, видимо, даже скорострельные пулеметы субтеррины не могли остановить всех камнегрызов.

– Их слишком много! – уже не докладывал – орал по внутренней связи Киря, не переставая стрелять.

* * *

– Сейчас облепят, как живность муранчинную королеву, – послышался отстраненный голос Колдуна.

Стас взглянул на него с удивлением и страхом. О чем это он?

Колдун улыбался, прикрыв глаза. Он смотрел сейчас словно бы не вокруг, а внутрь себя. И, возможно, даже что-то видел там, внутри. Стасу вспомнились рассуждения Ильи о природе Двойников и безумная теория о том, будто он, Илья, сам является чьим-то Двойником. А вдруг правда? Вдруг Колдун видит сейчас то, что когда-то видел его гипотетический Двойник?

– Реактор?! – рявкнул из динамика Гришко.

– Шестьдесят два процента готовности, – дребезжащим сухим голосом отозвался Додик.

– Старт!

– Не готов! – в голосе Додика слышались напряжение и тревога.

– Старт!

– Реактор еще не готов!

– Камнегрызы готовы, мать твою!

– Сейчас стартовать слишком опасно! Шестьдесят пять... шесть... семь процентов.

Нужно подождать!

– Плевать! Старт!

– У нас титановая обшивка! – взмолился Додик.

– У них крепкие зубы! – Гришко был непреклонен. – А нам зарываться под землю. Если твари повредят корпус – всем хана.

«Да уж, зубки, которые прогрызают бронедвери, это не шутки» – подумал Стас.

– Быстрее! – заорал Киря. – Они уже!

Действительно «уже». Снаружи доносился знакомый – «з-з-з-зь!» сверлящий звук, от которого волосы становились дыбом. В отличие от приглушенного эха пулеметной стрельбы, эти звуки слышались отчетливо, ясно и близко. Очень близко.

– Реактор нестабилен! – верещал атомщик. – Возможен перегрев...

– Додик, ныряем сейчас же, или я вышвыриваю тебя на хрен! – пообещал Гришко.

– Это реактор последней модели, – быстро говорил Додик. «Тянет время», – понял Стас. – Его даже толком не успели испытать. Я не могу ничего гарантировать.

– Старт! – полковник стоял на своем.

– После расконсервации реактор не работал на полную мощность, и если...

– Старт, я сказал!

– Реактор не выдержит!

«З-з-з-зь!» – зубы камнегрызов по титановой обшивке. «Тум-тум-тум-тум!» – гул пулемета. Звуковое сопровождение было эффектным и впечатляющим. Не оставляющим времени ни для размышлений, ни для долгих споров.

– Ста-а-арт! – яростно заорал полковник. Таким приказам не противятся. Такие приказы пострашнее и «тум-тум-тум-тум!» и «з-з-з-зь!».

– Есть старт, – упавшим голосом отозвался Додик. – Готовность реактора семьдесят один процент. Стабилизация ниже половинной нормы.

Из динамиков снова слышались короткие отрывистые команды Гришко:

– Михеич, бур!

К несмолкающей пулеметной стрельбе и урчанию двигателей присоединился еще один звук. Тонкий, звонкий.

– Шнек!

И – глухой, тяжелый, монотонный.

– Шасси!

Толчок. Качнувшийся пол.

– Гусеничный ход!

Тряска. Похоже, машина тронулась с места.

– Домкратные упоры!

Что-то лязгнуло за кормой.

– Киря, прекращай стрельбу! Убрать турель! Заслонки на амбразуры и оптику!

Пулеметные очереди стихли.

Еще один толчок. Видимо, буровой нос машины уткнулся в стену ангара.

– Убрать шасси!

Машину тряхнуло еще раз.

«Бурим! – понял Стас. – Стартанули! Нырнули...»

* * *

– Есть старт! Входим в породу! – сообщил Гришко по внутренней связи. – Ак-к-курат-ненько...

– Реакция вышла из-под контроля, – безрадостно дополнил Додик. – Красная зона! Перегрев реактора близок к критическому.

– Так остуди его! – раздраженно посоветовал Гришко.

– Я пытаюсь, – уныло сообщил Додик.

Секундная пауза.

– Критический перегрев! – Додик все же сорвался на крик. – Сейчас рванет! Сейчас!

Стас услышал нотки паники. Значит, правда рванет.

Сейчас...

– Переизбыток мощности! – будто сквозь вату донесся до него голос Додика. Атомщик был уже не на грани даже – за гранью истерики. – Неконтролируемая реакция! Выплеск! Энергетический пик!

– Сбрось излишки! – вырвался из динамиков хриплый рык Гришко.

– Куда?!

– На хрен! На бур, на шнек, на движки, на кормовые лапы! Куда угодно! Михеич, снимай все ограничители!

– Вашу ж мать! – выругался компьютерщик. – Снято!

– Не поможет! – простонал Додик. – Слишком много энергии. Нас разнесет на куски!

– Сбрасывай! Нас разнесет, если будешь жевать сопли!

– Даю обратный отчет! – обреченно объявил Додик. – Пять, четыре...

– Всем держаться крепче, – вставил Гришко. – Сильно тряхнет.

«Рванет», – мысленно поправил Стас. Он протянул руку к торчавшей из стены скобе-поручню. Не случайно они, наверное, здесь. Ладони вспотели. Металл под кожей был мокрым и скользким. У Стаса возникли сомнения: сможет ли он удержаться за скобу, когда тряхнет... Рванет...

И есть ли вообще смысл держаться?

Рядом, вцепившись в поручень, стоял Илья. Колдун снова улыбается, а в глазках – пусто. Идиот! Как он вообще может улыбаться сейчас?

– Три...

Пауза. Долгая. Или просто кажущаяся таковой.

Внутренняя связь стихла. Если бы не слабое потрескивание динамиков, Стас решил бы, что Вера ее отключила. Но связь не отключали. Экипаж просто не пользовался ею. Люди слушали дыхание друг друга и отчет Додика. Только теперь, когда опасность быть съеденными заживо камнегрызами отступила на второй план, пришло осознание того, на какой тонкой грани они все балансируют.

Люди молчали и ждали. Даже Гришко молчал и ждал. Целую вечность все они уже молчат и ждут.

Перегретый атомный реактор – это не шутки.

Субтеррина бурила породу. В подземном «Аиде» хозяйничали камнегрызы, а в подземлодке ждали взрыва.

Ждали, ждали...

Да сколько же можно?

– Два...

Стас прикрыл глаза. Вернее, они зажмурились сами собой, словно не желая видеть последнюю вспышку. Как будто сомкнутые веки помогут, защитят, спасут... Как будто сквозь них не будет видно.

Вот и конец. Все быстро и просто. Странно, но страха не было. Было удивление и несогласие с тем, что было, вернее, что будет. Сейчас, прямо сейчас.

Как все будет? Вернее, как все есть? Стас представил это «все» очень живо, в подробностях. Перед внутренним взором, под закрытыми веками пронеслась картина того, что случится... неизбежно должно случиться через какие-то доли секунды.

– Один! – закончил, наконец, свой отчет Додик.

Собственно и не картина даже: яркий короткий импульс белого света, резанувший через закрытые глаза по мозгу. Звука даже не слышно. Не будет слышно. И тело не успеет ощутить испепеляющий жар. Оно просто будет испепелено раньше, чем нервные окончания воспримут боль. Так все будет. Так уже есть?

Стас не понял, что же произошло. То ли лодка получила резкое ускорение, утратив при этом стабильность и закрутившись, как пуля в полете, то ли раскололась на куски. То ли и то, и другое сразу.

Приступ случился внезапно. Как тогда, перед бронедверью сектора «А». Как всегда не вовремя.

Вместо яркого света в мозг выплеснулась темнота и ничто.

Сознание ускользнуло.

И пальцы не смогли удержаться за скользкий поручень. Стаса бросило на железо. Что-то сзади больно ударило в голову. Но он этого уже не видел, не слышал, не чувствовал и не знал...

* * *

– Дальний-Север! Дальний-Север! Прием!

Старая рация всхрипывала, как смертельно раненный человек с простреленным горлом. Сигнал едва пробивался сквозь шумы и помехи вымершего эфира.

– Дальний-Север! Вызывает метробаза! Стас, отзовись!

Стас выпал из тяжелого полусна, еще плохо соображая, где он и что с ним происходит. Где-то под землей, похоже. И...

Ощущение, что он здесь не один, было очень сильным. Чувство тревоги и чужого присутствия пронизывало, как жесткие гамма-лучи незащищенную плоть.

Первая реакция – обычная сталкерская: Стас машинально схватился за оружие. После затянувшейся дремы и внезапного пробуждения только добрый старый АК в руках способен вселить хотя бы слабое подобие уверенности и спокойствия.

– Стас! Дальний! – все хрипела и надрывалась рация.

Наверное, это из-за нее ему почудилось, что здесь есть кто-то еще.

Прежде чем ответить, Стас все же пошарил стволом по сторонам. Из-за противогазных стекол (он, оказывается, вырубился прямо в резине) виделся только полумрак подвала, который Стас выбрал на ночь в качестве временного убежища. Из узкого пролома наверху – единственный вход и выход, кстати, который всегда должен быть под присмотром, – падал рассеянный лунный свет.

Вокруг – никого. Все-таки показалось. Наверное, сон, сморивший его после долгого перехода, еще не выветрился окончательно. Наверное, какие-то невнятные смутные образы застряли где-то под противогазной резиной и никак не хотят улетучиваться.

– Дальний-Север! Стас! Вызывает метробаза. – Рация продолжала шуметь. А ведь шум привлекает незваных гостей. Значит, это надо прекращать.

– Дальний-Север на связи, – ответил Стас, машинально проверяя пистолет в потайном кармане разгрузки, надетой поверх «химзы». Пистолет был на месте. – Прием.

– Стас, ты пропустил сеанс! В чем дело?

– Проспал, – буркнул Стас.

Это, конечно, его косяк. Но после всего, что случилось... В памяти всплывали сцены стычек с мутантами и гибель спутников. Товарищи умирали один за другим. Перед глазами стояли кровавые подробности. Стас поморщился. Лучше бы он не вспоминал об этом. Как хорошо было сразу после сна. Ничего ведь не помнил. Вообще! Как будто и не было ничего.

– Проспал?! Какого хрена, Стас?

– Такого! – огрызнулся Стас. – Кругалей от мутантов выписывал. А жопу прикрыть некому. И на стреме стоять тоже. Короче, вымотался и отключился. Я один остался, не забыли еще?

Пауза. Наверное, забыли. Или забылись.

– Ладно, Стас, где ты сейчас?

– Где-то под Невьянском.

– Результаты есть?

– Нет.

– Плохо...

Ну, еще бы! Хорошего мало. Стас вздохнул:

– Метробаза, выйду на связь в Тагиле. Если будет информация – объявлюсь раньше.

– Что значит выйдешь на связь? Следующий сеанс по графику...

– Э-э, ты там не понял, да? К черту график! Я сказал, что выйду на связь сам.

– Дальний-Север! Что ты себе позволяешь?!

– Слушай, дитё подземелья, мать твою! – Стас потерял терпение. – Повторяю еще раз для тех, кто в грунте: я остался один! У меня нет возможности трепаться с вами и зыркать по сторонам. Я вообще-то тут ныкаюсь, как крыса в забое, а рация, знаешь ли, демаскирует. Если хотите, чтобы я продержался еще немного, и если хотите получать информацию – просто будьте на связи. Я вызову сам.

– Когда?

– Когда мне будет удобно и когда будет безопасно. Всё, отбой!

Он отключил рацию. Огляделся еще раз. Снова давило ощущение чужого присутствия. Но ведь никого, кроме него, в этом подвале нет. «Нервы», – подумал Стас. Сталкерская работа вообще вредна для нервов. А уж последние дни...

Снова из небытия выплывали воспоминания.

Стас был сталкером дальней разведки с Уралмаша. На него и только на него могла сейчас рассчитывать северная ветка Екатеринбургского метро, регулярно выходившая на связь под позывным «Метробаза».

Уралмашевцев давно и упорно теснили чудовища Царя Грез. Сведения о том, что происходит в других частях города, были обрывочными и тревожными. Упорно расползались слухи о каких-то захватчиках, хозяйничающих на юге. Вроде бы, отряды и автоколонны чужаков видели даже на гиблом востоке, где практически не было жизни. Причем, чужаки предпочитали сразу стрелять на поражение, а не вступать в переговоры.

Жить в метро да и вообще в городе становилось невыносимо, а будущее рисовалось в мрачных тонах. В конце концов, руководство уралмашевской ветки приняло решение втайне готовить эвакуацию. Намечался массовый исход из Ебурга, о котором рядовые метрожители, впрочем, пока не догадывались.

Но чтобы покинуть город, нужно знать, куда идти. В обстановке строгой секретности были снаряжены и отправлены за пределы Екатеринбурга три группы дальней разведки. Два сильных и хорошо вооруженных отряда «Дальний-Запад» и «Дальний-Юг» выдвинулись в сторону Перми и Челябинска. Еще одна группа поменьше – «Дальний-Север» – отправилась к Нижнему Тагилу.

Южная экспедиция, огибавшая с востока непроходимый Пояс Щорса, сгинула где-то в районе Центрального парка культуры и отдыха.

А на полпути в Первоуральск загнулся самый многочисленный западный отряд, на который возлагались особые надежды.

Что с ними случилось, как случилось – этого никто не знал, но все догадывались. Город и окрестности кишат мутантами, и далеко не всегда огневая мощь сталкерского оружия гарантирует успех миссии.

Дольше всех продержался «Дальний-Север». Но и этой группе не повезло. После нескольких стычек с тварями, о существовании которых в Ебурге даже не подозревали, в живых остался только Стас. Теперь на позывной «Дальний-Север» мог откликаться лишь он один. Впрочем, теперь и он откликаться не будет. Теперь он будет выходить на связь сам, по своему усмотрению.

Усмотрению. Смотрению...

Да что же это за наваждение-то, в самом деле?! Почему он все еще чувствует на себе чужой пристальный взгляд? Почему ЭТО никак не проходит? Почему рядом никого, а ему кажется, будто смотрят? И откуда смотрят-то?

Стас снова завертел по сторонам резиновой мордой противогаза и автоматным стволом.

Тут пусто, там – тоже, и в том углу, и в этом...

Глупо так беспокоиться без видимой причины. Да, наверное, глупо. Но сталкерское чутье и интуиция уже неоднократно спасали Стасу жизнь там, где разум твердил: «Глупо, неразумно, не может быть, не бери в голову, не волнуйся».

Он волновался все сильнее. Рация отключена. На нее уже ничего не свалишь. Нет, не в рации дело. Кто-то здесь есть! Точно есть! Кто-то за ним наблюдает.

Опасности как таковой Стас не чувствовал. Но все-таки он что-то чувствовал. Или кого-то. Где?

Может, там? Или там? Или под той стеной? Или...

Стас поднял резиновое лицо противогаза с глазами-окулярами вверх.

Увидел!

В какое-то мгновение ему показалось, что он видит. Во тьме, на едва различимой грязной и потрескавшейся плите перекрытия он зацепил взглядом...

Еще одно лицо! Человеческое. Бледное. Не закрытое противогазом. Нависшее сверху, прямо из шершавого бетона, смешанного с мраком.

От накатившего ужаса пересохло в горле и свело скулы.

Стас вскинул автомат, направив ствол на черно-серые пятна ночных чернил и серой бетонной пыли, в которых ему чудились, виделись... в которых так неожиданно и четко проступили очертания лица.

Однако на спусковой крючок Стас не нажал. Удержался.

Потому что понял: на него смотрит ЕГО лицо! Он сам смотрит!

Бетон и тьма, словно зеркало, отражали его, Стаса, физиономию. Только без противогаза.

Из бетонной плиты и скопившейся под ней темноты Стаса рассматривал Стас. В глазах наверху не было враждебности. Было удивление, нет – высшая степень изумления. А еще испуг. И непонимание.

Как и в глазах Стаса внизу – того Стаса, что судорожно вцепился в автомат.

Что это? ЧТО ЭТО?!

Ментальное воздействие неведомого мутанта? Новая, никем еще не изученная и не описанная аномалия? Но с такими мутантами и с такими аномалиями сталкеры Екатеринбурга еще не сталкивались. Или уже сталкивались? Только рассказать об этом некому. Что, если «Дальний-Запад» и «Дальний-Юг» накрылись после встречи с таким вот феноменом?

Лицо на плите поплыло, растворяясь во мраке и утопая в бетоне. Или не было вообще никакого лица? Или все-таки показалось? Или это – только нервы?

Стас моргнул.

И все исчезло.

Глава 5 «Боевой крот»

Шлеп. Вспышка. Боль.

Шлеп. Вспышка. Боль.

Шлеп...

Стас открыл глаза.

– А-а-а, очухался, Фрейда тебе в задницу! Ну, слава богу!

Не без труда сфокусировав взгляд, Стас обнаружил над собой скалящуюся физиономию Ильи. Колдун, как всегда, улыбался не совсем здоровой улыбкой. Смотреть на эту идиотскую ухмылку не было никакого желания, Стас снова сомкнул веки.

– Э-э-э! Не спать, Юнга тебе в печенку!

Шлеп. Вспышка под закрытыми глазами. Боль в горящей щеке. А еще – тупая ноющая боль в затылке.

Пришлось снова разлепить веки. Так и есть. Проклятый психолог приводил его в чувство самым простым и незамысловатым способом. Пощечинотерапия...

Стас поморщился. Отбитая щека горела. Интересно, сколько психологических оплеух отвесил ему щедрый Колдун?

Стас скосил глаза вправо-влево. Он лежал на полу тесного жилого отсека с двумя узкими койками. Пол, кстати, не вибрировал. Двигатели не работали. И вообще в субтеррине было подозрительно тихо. Похоже, подземная лодка не двигалась.

Стас восстановил в памяти последние минуты перед отключкой. Пощупал затылок. Под пальцами – огромный шишак. А ведь все могло быть гораздо хуже. Могло быть, но не было.

– Мы что, не взорвались? – хрипло спросил он.

Язык едва ворочался во рту. Да уж, здорово досталось. Но ведь не взорвались же? Правда?

– Не-а, – мотнул головой Илья. – Додик сбросил с реактора избыток мощности, и лодочка наша рванула, как в задницу ужаленная. Чуть не развалилась, но ничего, выдержала.

– А реактор? – спросил Стас. – С ним что?

– Ничего. Стабилизировался. Короче, жертв нет. Только ты вот башкой звезданулся, да Додик от шока отходит. По-моему, он сам не понял, что там у него в реакторе случилось. Ядерщик, блин, хренов, Фрейда ему в задницу!

– А почему стоим? Застряли?

Стас постарался не думать о том, на какой глубине это могло произойти.

– Гришко приказал остановиться.

– Но камнегрызы?

– Они нас здесь уже не достанут. Надо проверить реактор, узлы, системы...

«Все верно, – подумал Стас, – после того энергетического сброса, наверное, надо».

– Мы на поверхности?

– Нет.

– Почему?

– Думаешь, наверху безопаснее?

«Это вряд ли», – вынужден был признать Стас.

Илья ослабил галстук. Стас заметил, как над узлом бьется жилка. Все-таки Колдун тоже изрядно переволновался.

– Чего смотришь? – Улыбающийся Илья перехватил его взгляд. – Хочешь еще о чем-то спросить?

Да, Стас хотел. Но не сразу решился задать главный вопрос, который не давал ему покоя. А потому спросил о другом.

– Зачем тебе это? – отвел он глаза.

– Что «это»?

– Ну, пиджачок, галстучек. Все давно перешли на камуфляж и «химзу», а ты...

– Я психолог, Станислав, – и не понять, то ли гордится, то ли ерничает Колдун. – А психолог должен выглядеть безупречно. Иначе первым станет психом.

Илья выдержал многозначительную паузу. Стас тоже промолчал. На его субъективный взгляд Колдун стал психом давным-давно. Причем, психом наипервейшим.

– Приличная одежда – последний якорь цивилизации, удерживающий нас в определенных рамках.

– Нас или тебя?

– И меня. И через меня – всех, с кем я общаюсь. Как вести психотерапию в обносках? Как пудрить людям мозги?

Стас пожал плечами. Он не знал, как. Но почему-то ему казалось, что в их ситуации такой нелепый, подчеркнута цивилизный вид мало отличается от совсем уж неприличного рванья. Это как две крайности, которые вызывают схожие чувства.

– Скажи, Илья, а ты пудришь людям мозги или говоришь им правду?

– Случается и так, и этак, – пожал плечами Колдун.

Стас набрал побольше воздуха. Все-таки задать ТОТ вопрос придется.

– А когда ты мне рассказывал о Двойниках – пудрил?

– Нет. А что? – улыбка на лице Ильи вдруг стала какой-то... Серьезной, что ли.

Стас поколебался еще секунду, потом все же решился заговорить о главном.

– Кажется, я видел...

– Что?

– Себя. Своего Двойника. Когда был в отключке.

– Когда был приступ? – и не разобрать, то ли удивился Колдун, то ли нет. Непонятная все-таки у него улыбка.

– Да, когда был приступ. Я видел его, слышал, чувствовал, как тебя сейчас. И понимал. Лучше, чем тебя. Он сталкер. Из Ебурга.

– Фрейда тебе... М-да...

И опять ничего не понятно. Что значит недосказанная присказка про Фрейда, что значит это «м-да»?

– Ты говорил, что Двойник появляется у человека на грани жизни и смерти.

Колдун задумчиво поскреб подбородок.

– А ведь мы прошли эту грань. Если бы взорвался реактор, то...

Вздых. Пауза.

– А ты вообще дважды без малого побывал в могиле. Ты в курсе, Стас, что башку себе чуть не проломил? Так что по поводу Двойника – может быть... очень даже может быть. Не удивлюсь, если он у тебя теперь действительно есть.

– Почему именно у меня? Только потому, что я ударился головой?

– Наверное, все-таки главная причина не в этом.

– А в чем?

– У тебя приступы. – Колдун сказал это так, будто ответ был очевиден.

– Но раньше-то я ничего не видел. Только темнота. Как смерть.

– Раньше твои приступы были пустые и мертвые. А сегодня ты чуть не умер сам.

– И что?

– Теперь они наполнились смыслом. Теперь у тебя есть Двойник.

Стас задумался на секунду. Потом постарался заглянуть за непроницаемую улыбку Ильи:

– Скажи, ты взял меня с собой в «А»-сектор из-за них? Из-за моих приступов?

Постарался – и не смог.

– Ну... – Колдун пожал плечами. – Они показались мне...

– Интересными? Любопытными?

– Полезными. Да, возможно, они принесут пользу. Не знаю, не уверен, но возможно.

– Какую пользу?

– Это мне неизвестно. Пока. Но, думаю, ты не случайно оказался возле двери «А»-сектора, когда напали камнегрызы. Ты должен был спастись, Стас. И это то, что решается за нас. Я всего лишь понял это и открыл тебе дверь. И Двойник у тебя появился не случайно. Двойники появляются не у всех. И появляются они не с пустыми руками.

Стас вздохнул. Колдун как никто другой умел напустить тумана. Сказать многое и не сказать ничего. Вот еще и мистику какую-то приплел, проклятый псих... олог.

* * *

– Ну что, терранавты, освоились? – в отсек заглянул Гришко. Глаза полковника горели. На раскрасневшемся лбу выступила испарина. Правый висок оцарапан. Садина свежая, кровоточит. Видать, Гришко тоже неслабо приложился головой, однако настроение у него было приподнятое.

– Осваиваемся потихоньку, – на вопрос начальства ответил Илья.

– А ты, приبلудный? – испытующий взгляд полковника уперся в Стаса. – Как там тебя?

Полковник даже имени его не помнил.

– Стас, – напомнил Стас.

– Очухался, Стас? Колдун сказал, ты чуть копыта не отбросил.

– Ничего я не отбросил.

– Ну-ну, – хмыкнул Гришко. – Очко не играет?

– Нет, – коротко ответил Стас.

– Ладно, предположим. Как вам агрегат, кстати? – непонятно к кому обратился Гришко, по-хозяйски похлопав по переборке.

Агрегатом, судя по всему, полковник назвал подземлодку.

– Моща, – отозвался Колдун. И, не убирая с лица улыбки, добавил: – Если бы я написал о такой машинке книгу, никто бы не поверил.

– Не-а, не поверили бы, – хмыкнул Гришко – Закидали бы гнилыми помидорами.

– Что такое помидор? – тихонько спросил Стас у Ильи. Слово, вроде, знакомое, но что оно обозначает, Стас никак не мог вспомнить. «Закидали бы помидорами»... Гранаты, что ли? Но почему тогда гнилые?

Гришко услышал его шепот и сам снизошел до объяснений:

– Овощ это такой, Стас. Или, строго говоря, ягода.

Овощ-ягода? Странная мутация. Стас растерянно захлопал глазами, пытаясь представить диковинку. По-ми-дор.

– У вас в «Г»-секторе такое не растет: помидору нужно солнышко, – добавил Гришко и повернулся к Илье, продолжая тему: – Точно закидали бы, Колдун. Считаю, тебе повезло, что ты не пишешь о субтеррине, а катаешься в ней. А уж как тебе повезло, – взгляд полковника вновь уперся в Стаса.

Стас подумал, что сомнительное вообще-то это везение. Он бы предпочел писать книгу о субтеррине. И плевать, что не верят! И хрен с ними, с этими помидорами, которые овощи-

ягоды! А на подземлодке пусть бы путешествовали другие, если им охота. Стас бы место уступил.

– Подземная лодка – это вам не хухры-мухры, – продолжал Гришко. – Жаль, потеряли перископную мачту при старте, – полковник нахмурил лоб. – Но ничего, это не критично. Нам под землей перископ не особенно-то и нужен. Зато все остальное на месте... – Гришко нежно, почти как женщину, погладил металлическую переборку отсека. – Сверхпрочный титановый корпус. Ядерный реактор. Силовая установка – зверь! Система скоростного кавитационного бурения. Турбоохлаждение. Террасонар. Гироскопическая навигация. Выдвижная пулеметная спарка. Две подземные торпеды. Аппаратура для регенерации, очистки и закачки воздуха. Запас топлива, буровой смеси, боеприпасов, воды и пищи. Субтеррина, кстати, может двигаться не только по земле и под землей. По воде и под водой тоже...

– Фантастика! – пробормотал Стас.

Гришко чему-то усмехнулся:

– Угу, ее еще Жюль Верн нафантазировал. И после были фантазеры...

– Жюль кто? – наморщил лоб Стас.

– А-а-а, дремучее поколение! – отмахнулся полковник – Неважно. Ты таких книжек все равно не читал. Да и не о том речь. Главное, что фантастика эта давно воплощена в реальность.

Лихорадочный блеск в глазах Гришко сделался еще заметнее. И вообще такая разговорчивость для полковника была нехарактерна. Что это, интересно? Результат стресса после того, как они всей командой чуть не поджарились на перегревшемся реакторе? Или тут другое? Так обычно ведут себя люди, реализовавшие свою давнюю мечту. Может, Гришко всю свою «айдовскую» жизнь мечтал вырваться из осточертевших бункеров и «поплавать» на подземлодке? И вот, наконец, сбылось...

– Субтеррины проектировали еще в прошлом веке, – рассказывал полковник. – И не только проектировали. Были созданы экспериментальные модели. Первую подземлодку построили в тридцатые.

«В тридцатые»? Речь явно шла не о текущих тридцатых. Выходит, сто лет назад? Фига ж себе! Стас тихонько присвистнул.

– И построили ее, кстати, у нас, в России. В Союзе, вернее. В СССР. Тогда в Союзе и не такое могли!

В глазах Гришко появилось непонятное Стасу ностальгическое выражение. Самому-то Стасу было побоку что СССР, что Россия. Он ни того, ни другого не видел и знал только понаслышке, не очень понимая разницу. А полковник видел. И знал. И мог сравнивать одно с другим.

Гришко улыбнулся каким-то своим мыслям:

– Знаешь, как разрабатывали первый подземоход?

– Не-а, – мотнул головой Стас. Откуда ему было знать?

– Конструкторы проследили за одной зверюшкой и сварганили машину, которая передвигалась под землей так же, как она.

Зверюшка? Под землей? Стас задумался.

– Камнегрыз?

Полковник покачал головой:

– Тогда камнегрызов не было. За кротом наблюдали. Посадили в ящик, просветили рентгеном, изучили биомеханику движения: ну, как крот норы роет, как лапами и башкой орудует, куда землю деваает. Ясно?

Стас пожал плечами. Ясно, что ж тут не ясного-то. Вот только о кротах он тоже имел весьма смутное представление. Когда в окрестностях «Аида» завелись камнегрызы, вся прочая земляная живность исчезла.

– Самую первую подземлодку испытали здесь, на Урале. Не очень удачно, правда. – Гришко вздохнул, словно эта неудача была его личным провалом. Затем продолжил: – Над субтерриной работали и в Германии. Был у немцев такой проект: «Морской лев». Фрицам нужна была машина, способная двигаться и под землей, и под водой, чтобы незаметно переплыть Ла-Манш и проникнуть на территорию Британии.

Полковник говорил интересно, но непонятно: «Германия», «Ла-Манш», «Британия», «фрицы» какие-то... Это все-таки не те слова, которые употребляются в повседневной «айдовской» жизни. Поэтому сейчас они звучали для Стаса чуждо и странно.

А Гришко не думал умолкнуть. Видно было, что немногословный обычно полковник оседлал любимого конька и слезать с него не собирается. Стас слушал, открыв рот. Илья тоже слушал. Молча. Улыбался, кивал и слушал.

– Другой немецкий проект, «Змей Мидгарда», – это вообще бомба! – в словах полковника послышалось восхищение. – Настоящий монстр! «Змей» тоже задумывался как подземно-подводный транспорт. Состоял из нескольких съемных секций. Точно как змея или червяк.

«Или камнегрыз», – подумал про себя Стас.

– Вооружение: мины, пулеметы, боевые и разведывательные торпеды, снаряды для разрушения прочных пород, спасательная капсула-«шлюп»... Правда, насколько мне известно, эта змеюка так никуда и не выползла. Зато... – полковник выдержал многозначительную паузу, – зато наш «Боевой крот» успел нарыть нор.

– Боевой крот? – Стас вспомнил надпись на корпусе субтеррины – «БК-7»?

Вот что она обозначала! Механический крот-переросток. Крот-мутант. Крот-машина. Боевой крот...

– «БК-7» – это уже усовершенствованная, седьмая версия, – сказал Гришко. – Счастлирое число, кстати.

Наверное... Стас не придавал значения таким вещам.

– В шестидесятые по распоряжению Хрущева на Украине построили секретный завод...

Хрущев? Украина? Стасу это мало о чем говорило.

– Подземная лодка в степях Украины... – улыбающийся Илья вставил короткую реплику.

Гришко тоже чему-то улыбнулся, кивнул:

– Собирались выпускать атомные субтеррины.

– Атомные? – Стас поежился. Слово «атом» вообще-то вызывало у него негативные эмоции. Ну, как правило.

– Работающие на ядерном реакторе, – пояснил полковник.

Что ж, это как раз и было исключением из правил. «Аидовские» бункеры тоже снабжал энергией атомный реактор.

– Для советских субтеррин ставились тактические боевые задачи по уничтожению вражеских подземных бункеров, коммуникаций и ракетных шахт. – Гришко не умолкал. – Еще предполагалось, что наши подводные лодки могут доставить «котов» к берегам Калифорнии, чтобы субтеррины смогли заложить ядерные заряды на территории потенциального противника.

Слово «Калифорния» Стас вообще слышал в первый раз. Как будто из чужого языка словечко. Иногда ему казалось, что люди, жившие до Последней Войны, и родившиеся после нее – это люди с разных планет. Из разных миров. Собственно, так ведь оно и было: миры тех и других были слишком непохожи друг на друга.

– Был выпущен опытный экземпляр «БК», – продолжал Гришко. – Испытания проводились на Дону и в Подмосковье.

«Дон», «Подмосковье» – тоже не очень понятные, потому что совершенно ненужные для «айдовской» жизни слова.

– Но и украинский завод, и оба полигона предназначались для отвода глаз и дезинформации вероятного противника, – продолжал Гришко. – Основное производство и главные испытания проводились у нас, на Урале. Тут и необходимые мощности есть, и грунты подтверже.

– А где именно на Урале? – рискнул спросить Стас. Ну, раз уж с ним ведут такие разговоры.

– Я же сказал: у нас. «Аид» был частью проекта «Боевой крот».

Вот когда все открывается! У Стаса отвисла челюсть.

– На этот раз испытания оказались успешнее, чем ожидалось, – как ни в чем не бывало, рассказывал Гришко. Определенно, полковнику нравились свободные уши и изумление в глазах Стаса. Тема разговора ему нравилась тоже. – «Крот» прошел твердые горные породы быстрее, чем пешеход идет по асфальту. Бункер условного противника был уничтожен. Результат оказался настолько впечатляющим, что командование решило еще сильнее засекретить проект самым верным способом: объявив о его провале. При повторных испытаниях симитировали аварию, во время которой субterrина якобы погибла вместе с экипажем и десантом. Программу свернули. Опять-таки – якобы. Украинский завод закрыли. На самом деле проект «Боевой крот» развивался. Подземлодки совершенствовались и испытывались снова и снова. Иногда даже вызывали сейсмическую активность, которая списывалась на естественные землетрясения. В конце концов, появился наш красавец «БК-7». – Полковник еще раз любовно погладил перегородку отсека. – Ладно, пойду посмотрю, как там Додик. Старый еврей никак не придет в себя. До сих пор не верит, что пронесло и реактор не рванул.

Гришко вышел из отсека. Но, вспомнив о чем-то, заглянул снова:

– Да, вот еще что. После проверки систем – общий сбор в отсеке управления. Объявлю по внутренней связи. Всем быть обязательно. Тебя это тоже касается, Стас. Раз уж ты попал в нашу команду счастливчиков.

* * *

«Команда счастливчиков». «Команда счастливчиков». «Команда счастливчиков»... Слова эти не выходили из головы. Особенно тон, которым они были сказаны. Когда в коридоре стихли шаги полковника, Стас повернулся к Илье:

– А ведь Гришко давно задумал бегство из «Аида», верно? – спросил он.

Молчание. Холодная улыбка на лице Ильи. Внимательные глаза.

– Это называется эвакуация, – наконец ответил Колдун.

Ничего при этом не ответив.

– Давно? – снова спросил Стас.

– Да, – на этот раз Илья все же внес некоторую ясность. – «Боевого крота» готовили к подземному походу много лет.

– Расскажешь?

Колдун задумался на секунду. Потом пожал плечами. Наверное, решил, что можно. В самом деле: сейчас-то уже все равно.

– По большому счету «БК-7» – это передвижной бункер со своим «офисом» и системой жизнеобеспечения. В нем можно зарыться под землю, чтобы потом начать жизнь заново.

– В «Аиде»? – спросил Стас.

Стоит ли возвращаться туда после атаки камнегрызов? Вообще-то у Стаса имелись на этот счет большие сомнения. Помнится, сектор «Д», подвергшийся нападению мутантов, обжить заново так и не удалось.

Илья покачал головой:

– Лучше основать новую колонию. Если экипаж состоит из специально отобранных людей, это реально.

«Специально отобранных» – вот в чем фишка!

И Гришко выбрал тех, кто достоин спасения?

– Кто пригодится, если удастся спастись. Кто поможет выжить всей группе. Количество мест и запасов в «кроте» ограничено, поэтому – да, пришлось выбирать. Полковник собрал в своем «офисе» лучших и держал их при себе.

«А что, – подумал Стас. – Наверное, это очень удобно, когда эвакуационная команда всегда под рукой».

– Лучший и самый верный солдат «Аида» Киря, – начал перечислять Колдун, загибая пальцы. – Лучший сталкер-разведчик Лёня. Единственный, а потому – наш самый лучший атомщик Додик. То же самое можно сказать о Михеиче, который на «ты» с любой электроникой и техникой. Лучший акустик Катя. Лучший медик Таня. Лучший связист Вера...

Ага, лучший связист, и к тому же женщина Гришко. Удачное такое совпадение.

– А ты-то как затесался в эту отборную компанию?

– Видимо, я тоже в чем-то лучший, – улыбка на лице Колдуна стала шире.

«В чем, интересно?» – подумал Стас.

– Наверное, полковник ценит меня за то, что я хорошо разбираюсь в людях, – ответил Илья на незаданный вопрос.

Ну да, конечно. Психолог. Да еще и колдун.

– Значит, Гришко со своим «офисом» давно собирался свалить... то есть эвакуироваться. Но когда? И куда?

– Это ты спроси у него, если хочешь.

Стас невесело усмехнулся. Вряд ли он когда-нибудь решится задавать Гришко подобные вопросы.

– В любом случае камнегрызы не оставили нам выбора, – закончил Илья. – Поэтому будем считать, что нам просто повезло.

Стас вздохнул. Повезло. Особенно ему. Повезло занять место погибшего Лёни на борту машины, где с местами вообще-то напряженка. Куда брали только лучших «аидовцев». И никак не из сектора «Г».

– Чего вздыхаешь, Станислав? Ты, кажется, хотел попасть к «ашникам». Вот и попал.

– Я попал, – согласился Стас с Колдуном.

И шагнул к выходу.

– Ты куда?

– Прогуляюсь немного, – ответил Стас. – Хочу посмотреть, куда я попал.

На самом деле ему просто хотелось побыть одному. Слишком многое надо было обдумать. И желательно – не при Колдуне, который видит людей насквозь.

– А-а-а, ну давай-давай. – Илья не возражал. – Корма – туда, нос – туда. Отсек управления – в носовой части. Когда Гришко позовет – не заблудишься.

* * *

Да, заблудиться в субтеррине было бы весьма затруднительно. От кормы до носа подземной лодки тянулся единственный коридор, разделенный перегородками с овальными герметическими дверьми-люками. Справа и слева, как почки на ветке, лепились небольшие технические закутки, но в целом коридорная кишка «Боевого крота» была унылой и однообразной: гулкое железо под ногами, а над головой и вдоль стен – трубы, провода, кабели, какие-то краны, вентили, циферблаты, выступы, ниши. И опять – трубы, провода, кабели...

Одна дорога и только два направления: вперед и назад.

В таких условиях побыть одному долго не удастся. Но по закону подлости одиночество Стаса «скрасило» появление Кири.

Начохр с лязгом открыл как раз ту переборчатую дверь, к которой протянул руку Стас. Кирия удивился: видимо, не ожидал его здесь увидеть. Но удивление в злых глазках было мимолетным. Доля секунды – и оно растворилось без следа. В глазах Кири осталась только злость.

Стас отступил. Начохр перешагнул через порог перегородки. Захлопнул за собой дверь.

Коридорный проход на «БК-7», конечно, тесноватый, но при желании два человека все же могут в нем разминуться.

При желании...

Литое плечо начальника «аидовской» охраны толкнуло неожиданно и сильно. Удар пришелся в грудь. Стаса отбросило к стене. Голова – и без того уже изрядно пострадавшая – больно ударилась о крепеж, удерживавший связку толстых – в руку Кири – кабелей.

А руки у начохра – ого-го! Через грязный камуфляж отчетливо проступала рельефная мускулатура.

Одна такая рука – р-раз! – обхватила кабели справа от Стаса, другая – хват! – слева. Стас почувствовал себя зверем в клетке.

– Как дела, Хвостопад? – презрительно-насмешливый голос. Нависшее сверху лицо с выпяченным квадратным подбородком, которым можно штамповать формы для кирпичей.

Сейчас они были одни. Но не такого одиночества искал Стас.

– Я спрашиваю, как ТВОИ дела на НАШЕЙ субтеррине, Хвостопад?

Воздух, выбитый из легких плечом Кири, никак не желал входить туда снова. Стас глотал неподатливый воздух ртом и не мог ни отдышаться, ни ответить. По черепу растекались пульсирующие волны боли, и казалось, что многострадальный затылок раскалывается пополам.

Но начохра это не особенно волновало.

– Я к тебе обращаюсь!

Руки Кири справа и слева держат, как прутья решетки. На губах – издевательская ухмылка.

Не вырваться.

А если и вырваться... Что дальше? Куцый отрезок тесного коридора между двух закрытых дверей. А в коридоре – только он, Стас, и этот вояка – ловкий, быстрый, сильный. А за дверьми – ограниченное пространство машины, зарывшейся глубоко в землю. И куда он денется с подземной лодки?

– А, Хвостопад?

Но все равно. Он не Хвостопад. У него есть имя.

– Я не... – попытался выдавить Стас.

Не дали.

Пальцы Кири вцепились в ворот. Прижали к перегородке.

– Ты Хвостопад! – зло прошипел ему в лицо начохр. Он больше не ухмылялся, не насмехался, не издевался. Глаза Кири налились кровью, изо рта брызгала слюна. – Хвостопад, понял?! Тебя сюда никто не звал. Ты приперся сам.

Вообще-то это было не совсем так.

– Отпусти! – потребовал Стас.

Как будто его требование кто-то будет выполнять.

– Есть люди полезные, а есть бесполезные, – продолжал Кирия, не реагируя на его трепыхание. – Ты точно не из первых.

– И не из вторых.

– Брехня! Из них из самых! Мутант долбаный! Ублюдочный Хвостопад!

– Я не хво... – Стас вцепился в руку Кири и попытался ее оттолкнуть. Дохлый номер! Все равно, что гнуть лом.

Его встряхнули так, что затылок снова ударился о крепление кабелей. В голове заискрило. «Точно, будет еще одна шишка, – подумал Стас, когда снова обрел способность сообщать. – Или открытая черепно-мозговая».

А Киря все говорил. Что-то. О чем-то. Стас сконцентрировался на выпадающих из рта начохра словах.

– ...а Лёня мужик был. Настоящий. Сталкер. Вот он полезен. Он и спину прикроет, и обстановку на поверхности разведает. А что умеешь ты, Хвостопад? Ничего! Ты здесь – балласт. Говно из сектора «Г». Ты занял чужое место. Только не удержишься на нем. Я лично постараюсь, чтобы ты вылетел отсюда поскорее. Все понял?

Стасу вдруг стало обидно до слез. Обида и злость поглотили и растворили все – и страх, и осторожность, и элементарное чувство самосохранения.

– Да пошел ты! – процедил Стас.

За такие слова Киря мог бы и убить. Запросто. А и пофиг! Пусть убивает. Все лучше, чем дрожать и молчать. Быть балластом и хвостопадом Стасу не хотелось. Так пошел он, этот начохр...

– Чё?! – Киря придвинулся ближе. Глаза прищурены, на скулах играют желваки. – Чё ты мяукнул? Да я ж тебя, сука...

Лязгнула дверь.

Стас не смог сдержать вздоха облегчения.

Все, теперь они были не одни. А в присутствии свидетелей Киря вряд ли решится на что-то большее, чем угрозы.

Начохр оглянулся на звук. Раздраженно фыркнул. Изобразил на губах кривую ухмылку.

Стас, зажатый в стенную нишу между трубами и кабелями, не мог видеть, кто вошел в коридорный пролет. Но кто бы это ни был, возможно, сегодня он спас ему жизнь.

– Ладно, Хвостопад, в другой раз договорим.

Руки, удерживавшие Стаса в закутке, разжались. Киря отошел. Буркнул что-то кому-то. С кем-то разминусь, не дождавшись ответа. Хлопнул переборчатой дверью.

«Надо держаться на людях», – подумал Стас. Пока это работает. Хотя, честно говоря, особого желания находиться в чьей-либо компании у него не было.

Стас отлип от стены, в которую его впечатал Киря.

И снова захотел влипнуть обратно.

* * *

В коридоре стояла Катя. Маленькая, хрупкая. С большими глазищами – внимательными, осуждающими, неморгающими. Вроде и на него смотрит, а вроде бы – сквозь него. А взгляд такой... Будто она сожалеет, что своим появлением невольно помешала Кире.

За спиной Кати – дверь-люк, за которой скрылся начохр.

Скверно, до чего же скверно все вышло! Мало того, что она стала свидетелем его позора (тот факт, что Киря едва не придушил его, как крысенка, – разве не позор?), так еще и смотрит. Так смотрит...

А ведь им теперь придется часто встречаться. Подземлодка тесная. Коридор – один. Не разойдешься, не спрячешься.

Стас вздохнул. Может, лучше было бы остаться с Кирей, чем вот так, с Катериной?

И все же он заставил себя сделать шаг ей навстречу. Один шаг. Больше не смог: взгляд Кати останавливал надежнее, чем очередь из АК в упор.

Выдавить вымученную улыбку не получилось. Стас стоял и не знал, куда деть глаза и руки. Она просто стояла напротив. Просто смотрела. Холодно и безжалостно.

Секунда неловкого молчания. Две. Три.

О чем сейчас говорить? И надо ли вообще говорить о чем-то?

– Катя... насчет Леонида... – запинаясь, начал Стас. – Мне жаль.

– Мне тоже, – голос тусклый и жесткий одновременно.

Она ответила на удивление спокойно, но при этом выплеснула такую волну неприязни, что у Стаса возникло желание выбраться из субтеррины и оказаться где-нибудь снаружи, в изрыхленной породе.

Вот Киря бы обрадовался. Да и Катя, наверное.

– Мне тоже очень жаль, – устало повторила она, не отводя глаз.

– Если бы я мог... – Стас не закончил фразы, потому что не знал, как закончить. Что он мог бы? Что он сделал бы?

– Если бы ты остался вместо Лёни там, в «Аиде», мне бы жалко не было, – зато Катя знала, что и как говорить. – Зря ты занял его место здесь. Оно не твое.

Вот так. Все предельно четко и ясно. И ничего домысливать не нужно. Об этом же говорил и Киря. И хотя Катя не назвала его, Стаса, хвостопадом, смысл – тот же. Он здесь лишний, ненужный человек на чужом месте. На месте человека нелишнего и нужного. И этого ему не простят. Есть те, кто не простит. Катя – из их числа. Вот что самое ужасное.

– Ты должен был заменить Лёню не здесь, а там, в «Аиде». Ты должен был сдохнуть, а не он!

Глаза девушки повлажнели. Голос дрогнул.

– Почему? – прохрипел Стас. – Почему сдохнуть должен был я?

– Потому что он нужен здесь. Потому что он нужен мне. Он нужен всем нам. А кому здесь нужен ты? Какой от тебя прок?

Стас не ответил, но Катя и не ждала ответа. Она прошла мимо, как призрак. Даже нет, не так: она прошла словно мимо призрака, которого не замечают. Это было еще обиднее.

Стас снова шагнул в закуток, куда его недавно впихнул начохр. Прислонился лбом к крепежу, о который ему чуть не разбили череп. Хотелось спрятаться от всего и от всех. Металл охлаждал кожу, но не мог успокоить мысли.

Интересно, кто-нибудь вообще хоть немного рад его появлению в команде? Да нет, конечно же никто. Опытный сталкер «Аида» из сектора «А» и рядовой «гэшник» – слишком неравноценный обмен получается.

В лучшем случае к нему будут относиться снисходительно-нейтрально. В худшем – как Киря. Хотя нет, Киря – это еще не самый худший вариант. Самый худший – это все-таки то, как на него смотрит Катя. Вернее, как она на него не смотрит. Или как смотрит, будто не смотрит. Не видит будто.

Даже расположение Ильи нельзя назвать дружеским. Психолог по прозвищу Колдун всего лишь наблюдает за любопытным экземпляром с уникальными характеристиками, попавшим в чужеродную среду. Приступы – вот в чем его, Стаса, уникальность, приступы и приглючившийся недавно Двойник.

А если Колдуну наскучит за ним наблюдать? Если от уникальности не будет пользы?

* * *

Медицинский отсек встретил Катю приглушенным светом, белыми пластиковыми панелями, ржавчиной, вылезшей из-за стыков по углам, смятой простыней на кушетке и рыжим ежиком Таниных волос.

– Катя? – удивленно уставилась на нее медик. Верхняя пуговица на застиранном халате Тани была расстегнута. – Что-то случилось?

Катя заставила себя отвести взгляд от смятой простыни. Ну да, начохр ведь шел по коридору отсюда. Судя по всему, парочка времени даром не теряла. Воспользовавшись остановкой субтеррины и отсутствием опасности, Киря и Таня устроили скоротечное, но бурное свидание. Отметили, так сказать, удачное бегство из «Аида». Что ж, они могли себе это позволить.

– Нет, ничего не случилось, Тань, просто заглянула. Извини, если не вовремя.

– Да нет, почему не вовремя? Заходи. Все нормально.

«Это у вас с Кирей все нормально» – с обидой и раздражением подумала Катя.

– Есть что-нибудь успокаивающее? – ляпнула Катя, чтобы хоть что-то сказать и опасаясь, что Таня прочтет по глазам все, что она думает.

– Гришко запретил выдавать медикаменты без его ведома, – отвела глаза медик. – Связаться с ним?

– Нет, не надо. – Катя покачала головой. Еще полковника вызывать не хватало! – Обойдусь.

– Какая-то ты... совсем никакая, – вздохнула Таня. – Из-за Лёни, да? Ужасно все это. Я сочувствую... Правда... И все понимаю...

«Да что ты понимаешь?! Что ты можешь понимать после того, как резвилась на медицинской кушетке со своим самцом?!» Катя постаралась взять себя в руки и не злиться. Танька-то ни в чем не виновата.

– Но знаешь, что я тебе скажу, Кать...

Она запнулась. По лицу медика было видно: Таня судорожно соображает, что вообще можно сказать в такой ситуации и какие слова будут уместны.

– Не надо ничего говорить, – избавила ее от мук Катя.

– Хорошо, не буду. – Таня охотно согласилась. – Но ты... – она смотрела в глаза. – Ты в порядке?

«Нет, конечно!»

– Я только что встретила «гэшника», – поморщилась Катя.

– Урода этого? Хвостопода? – Таня всплеснула руками. – Как его... Стаса? Катюха, не бери в голову. Не думай даже о нем. Он Кире тоже не понравился. Киря его укатает и вышвырнет отсюда на раз-два. Да мы все его вышвырнем. Ему здесь не место.

«Его, может, и вышвырнем, но кто вернет мне Лёню? – подумала Катя. – И кто меня вот так же... как тебя на кушетке?»

Таня еще что-то говорила, размахивая руками и мотая рыжей головой. Катя не слушала. Они не были близкими подругами, но часто болтали ни о чем. Вот и сейчас Таня вела себя так, будто речь идет о чем-то неважном и несущественном. Она просто произносила какие-то слова, чтобы заполнить паузу. А Катя не понимала, зачем вообще сюда пришла. Просто для того, чтобы уйти от Стаса? Взгляд Кати нет-нет, да и соскальзывал на мятую простыню. Повезло Танюхе. А вот ей такое не светит...

Наверное, Таня поймала ее взгляд, наверное, о чем-то догадалась. Оборвала фразу на полуслове. Быстро сдернула простыню с кушетки, посерьезнела, заглянула в лицо:

– Кать, ты чего? Завидуешь, что ли?

Если называть вещи своими именами, то да. Но называть их так не хотелось, во всяком случае вслух.

– Катя?

– Что? – сдерживаться становилось все труднее. На глаза наворачивались слезы. – Что ты хочешь от меня услышать, Тань? Что тебе сказать? Что у тебя есть то, чего нет у меня? Нет и не было никогда!

Такого, как у вас с Кирей, – точно ведь не было. Такого бурного, страстного, что простыня – в кучу! А может, именно сейчас это особенно нужно. А может, сейчас это нужнее, чем когда-либо!

– Катя... – Таня старалась смотреть на нее и не могла. Она знала. И про них с Лёней. И про нее без Лёни.

– Тань, прости. Я пойду, ладно?

Катя отвернулась.

– Подожди! – голос Тани зазвенел то ли от обиды, то ли от гнева. – Думаешь, тебе одной плохо? Мне, может быть, тоже паршиво. Ты, может, даже не представляешь, как мне паршиво. Может, Киря меня утешить приходил.

– Да-да-да, конечно, – кивала Катя, чуть не плача. Ее утешить было некому.

– Экипажу субтеррины собраться в отсеке управления, – где-то на потолке прохрипел голосом Гришко динамик внутренней связи. – Повторяю: всему экипажу собраться в отсеке управления. Жду через десять минут.

Глава 6 На Москву?

Отсек управления был, наверное, самым просторным на субтеррине. И все же здесь тоже оказалось тесновато. Большую часть пространства занимали какие-то приборы непонятного Стасу предназначения и широкая панель с кнопками, лампочками, тумблерами, рычажками, дисплеями, динамиками и большим погасшим экраном. Перед панелью в кресле на вертящейся ножке и с расстегнутыми страховочными ремнями на широкой спинке сидел Гришко.

Остальным пришлось стоять: больше присесть тут было не на что. Ну, если только на холодный металлический пол.

«Ашники» молча ждали, переминаясь с ноги на ногу. Стас расположился подальше от Кири. Катя сама отошла от Стаса. Так что эти двое оказались рядом друг с другом. И еще, как выяснилось, «подальше» – это вовсе не значит «далеко». Наоборот: это ближе, чем хотелось бы. Стараясь удалиться от Кири и Кати, Стас очутился напротив них. Пришлось ловить на себе взгляды начохра и акустика и смотреть им в глаза.

Кирия пялился угрожающе, нагло, в упор и глумливо ухмылялся. У Стаса хватило силы выдержать его взгляд. Но вот взгляд Кати... Глаза сами уткнулись в нехитрый рельефный узор металлического пола.

– Мы не на атомной субмарине, и кают-компания у нас нет... – начал собрание Гришко.

– А можно было бы и спроектировать, – буркнул Михеич. Брюзливый, тучный, старый, седой, в очках, он стоял справа от Стаса. – Конструкторы, мать их! Руки бы повырывал!

– Это экспериментальная машина, – сухо сказал полковник. – К тому же изначально не предназначенная для длительных подземных операций.

– Тут, блин, даже камбуза и столовки нормальной нет! – не унимался Михеич. – Бери паек и жри на рабочем месте. Все не как у людей!

– Заткнись! – на этот раз одного слова полковника хватило, чтобы пресечь нежелательные разговорчики. – Кают-компания у нас нет, – повторил Гришко, – поэтому я собрал вас здесь. Сейчас я хочу не только слышать ваши голоса по внутренней связи, но и видеть ваши глаза.

Стас уставился на Гришко. Пусть видит его глаза. Это даже хорошо, что появилась возможность смотреть на оратора, а не на Кирию с Катей.

– Как реактор? – первый вопрос полковника был обращен к Додику.

– Нормально, – прокряхтел атомщик. – Уже.

В последнем уточняющем слове Стасу послышался скрытый упрек, который, впрочем, Гришко пропустил мимо ушей. Он лишь удовлетворенно кивнул.

– Честно говоря, реактор должен был взорваться, но этого не произошло, – атомщик поднял брови, будто сожалея о неслучившемся взрыве, снял очки, почесал натертую дужкой переносицу. – Сам не знаю, почему. Должен был, а не рванул.

– Хороший знак, – улыбнулся Колдун. Вернее, чуть расширил свою обычную улыбку. Илья стоял слева от Стаса. – Нам нужны такие знаки.

Додик опасливо покосился на Колдуна. Снова повернулся к Гришко:

– Зато теперь реактор работает, как часы.

– А все остальное? – взгляд Гришко скользнул по присутствующим.

– В норме, – буркнул Михеич. – В принципе, «Крота» можно запускать хоть сейчас.

– Боевой отсек в порядке, – доложил Кирия. – Торпеды тоже.

– С внутренней связью проблем нет, – добавила Вера. – Внешнюю проверить не могу. («Ну, еще бы, – подумал Стас. – Под землей-то! Да и с кем им сейчас связываться по внешней-то?») Но явных поломок нет.

– Акустика? – Гришко повернулся к Кате.

– Бортовой террасонар работает со сбоями, – вздохнула девушка. – Аппаратура тонкая, ей сильно досталось.

– Медицина?

– Медотсек не пострадал, – бойко ответила Таня.

– Ясно. Тогда начну с очевидного, – голос полковника звучал уверенно и властно – как всегда. – «Аида» больше нет. – Гришко умел говорить спокойно даже о самых страшных вещах. – И, думаю, всем понятно, что возвращаться нам некуда.

Молчание. Всем было понятно, однако Гришко все-таки пояснил:

– Камнегрызы попали в общую вентиляцию и уже оттуда расползлись по секторам. Значит, коммуникации разрушены, а вентиляционная система и фильтры – сплошное решето. После камнегрызов «Аид» непригоден для нормальной жизни.

Снова молчание и тишина.

– Предложения есть? – полковник обвел взглядом собравшихся. Стас был уверен, что в чужих предложениях Гришко не нуждался. Наверняка, ведь уже решил, как действовать дальше, но и не задать этот вопрос, полковник сейчас не мог. Они все – в одной подземной лодке.

– Да че уж там! – снова подал голос Михеич. – Надо искать новое место.

– Надо, – сразу согласился полковник. Стас понял: это было именно то, что Гришко ожидал услышать.

– Вот только где? – почесал в затылке Додик.

Снова заговорил полковник:

– В Тагиле, в ближайших городах и населенных пунктах, нам ловить нечего. Там человеку не выжить. В Екатеринбурге, правда, люди еще есть, но лучше бы их и там не было.

Стас насторожился. О том, что в Екатеринбурге еще живут люди, он не знал. Однако никого из «ашников» эта новость не удивила. Наверное, потому, что не была для них новостью.

– Судя по радиоперехватам, за Ебург люди грызутся друг с другом похлеще мутантов, – продолжал Гришко. – По большому счету там идет война. Да и вообще в городе творится какая-то чертовщина. И влезать туда сейчас нам нет резона.

– Дык, а кроме Ебурга поблизости и приткнуться-то негде, – озадаченно проговорил Михеич. Он вообще говорил больше других. Собственно, в основном беседу с полковником вел сейчас этот старик. Остальные предпочитали отмалчиваться и слушать.

– А нам обязательно искать что-то поблизости? – улыбнулся Гришко.

* * *

Вопрос полковника застал собрание врасплох. Люди зашевелились, зашумелись.

Интересно, куда это намылился Гришко, если о «поблизости» речи не идет? Стас даже забыл на время о Кире и Кате, которые, впрочем, тоже сейчас удивленно пялились на полковника.

Выдержав интригующую паузу, тот заговорил снова:

– Мы неоднократно перехватывали радиосигналы из отдаленных регионов.

– Из каких? – наострила ушки рыжеволосая медик Таня.

– Вера, обрисуй ситуацию, – распорядился Гришко.

Стоявшая у кресла полковника связистка выступила вперед. Машинально оправила одежду.

«Волнуется», – понял Стас. В отличие от Гришко, Вере ораторствовать на публике приходилось нечасто.

– Сигналов было много, – полился тихий приятный голос Веры. – Москва, Петербург, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Казань, Балтийск, Новосибирск, Якутск...

Стас слушал и обалдевал. Названия одних городов он знал, названия других слышал впервые. Но не это главное. Раньше он и подумать не мог, что кто-то еще уцелел в войне, перепахавшей всю планету. А почему, спрашивается, не мог подумать? Если выжили они в «Аиде», то и у других тоже были шансы на спасение. Пусть минимальные, пусть совсем-совсем мизерные, но ведь были же! Почему тогда он даже мысли не допускал о том, что выжил кто-то еще? И ведь не он один. Почему рядовые «аидовцы» привыкли мыслить только своими местечковыми категориями?

Наверное, жизнь в тесных коридорах родного подземелья, откуда не высовываешь носа годами и десятилетиями, способствует узости мышления. Или дело в другом? Или размышлять о том, что творится за пределами «Аида», в сложившихся условиях просто не имело смысла? Зачем? Ведь действительно не нужно это. А что ненужное – то лишнее. Как он сам в команде «Боевого крота». Ненужное и лишнее обычно отсекается и забывается за ненужностью.

Проявлять интерес к далеким городам, районам и территориям было бы глупо по той простой причине, что добраться до них через зараженную, кишашую мутантами местность нереально. Такое путешествие не укладывалось в голову, а значит, не рассматривалось даже как теоретически возможное. Да, так все и было. Для простых «аидовцев». Но для Гришко, хранившего тайну «БК-7» и знавшего о возможностях подземлодки, ситуация виделась несколько иначе. «Крот» позволяет перемещаться не ПО, а ПОД зараженной поверхностью, и это в корне меняет дело. Поэтому полковник следил не только за движухой опасных соседей, но и заглядывал дальше. Гораздо дальше.

Вера закончила перечислять российские города, но замолчала не сразу:

– Также поступали сигналы из-за границы. Британия, Италия, Германия, Карибы, Америка. Там тоже много выживших. В городах, на островах, в глухих уголках, в метро крупных мегаполисов. Пару раз мы перехватывали сообщения с подводной лодки. Один раз – с нефтяной платформы...

– Но это нас уже не интересует, – вновь взял слово Гришко. – Спасибо, Верочка.

Вера отступила с видом прилежной ученицы, получившей похвалу учителя.

– Слышь, и давно вы с Веркой в курсах? – встрял Михеич. На правах старого соратника он мог позволить себе обращаться к Гришко и на «ты» и на «слышь».

– Достаточно давно, – ответил полковник.

– Тогда почему мы не...

– Потому что раньше не было необходимости ставить вас в известность. Пока жизнь в «Аиде» шла своим чередом, слухи о новой жизни были ни к чему. Зачем баламутить людей, когда и так все хорошо?

«Хорошо?» Стас чуть не поперхнулся от такой заявы. Жизнь в подземельях «Аида», шныряющие наверху мутанты и надвигающаяся угроза голода – это «все хорошо»? Хотя с другой стороны... Сейчас, после нападения камнегрызов, «Аид», который они потеряли, действительно представлялся почти раем. Банальная истина: все познается в сравнении. Вот и позналось, блин! Наверное, полковник прав. Все действительно было неплохо. Так какой смысл рассказывать о том, что кто-то где-то, возможно, живет немного лучше. Да и лучше ли на самом деле?

– Для нас представляет интерес вот что... – Полковник выдержал еще одну паузу. Долгую, томлящую.

Окинул взглядом собравшихся. Те ждали молча, ошарашенные и озадаченные. Тишина залила тесное пространство отсека управления, будто густая смола.

– Чаще всего радиосигналы приходят из Москвы. – Гришко заговорил бодро, напористо, по-деловому. – Там уже наладилась жизнь. Сферы влияния поделены. Процветает торговля. Серьезных конфликтов нет, беспредела нет, войны на истребление, как в Ебурге, не предвидится, зато есть множество больших и не очень конкурирующих общин, которые не откажутся принять новичков с субтерриной.

– Фигня какая-то, – поморщился Михеич. – По Москве должны были долбануть в первую очередь.

– И долбанули, – пожал плечами Гришко. – Мало москвичам не показалось, уж поверь. Но кое-кто успел попрятаться в метро. Так до сих пор там и живут. Как в Ебурге. Только в Ебурге станций – кот наплакал, а московский метрополитен – это ого-го! Целый город под городом.

– Знаю-знаю, – закивал Додик. – Бывал. Видел.

– Погоди-ка, полковник! – Михеич тряхнул седой головой. – Ты что это, в Москву намылвился, что ли?

Вопрос повис в воздухе. И снова пауза. Тишина.

И скупая улыбка на лице Гришко:

– В Московское метро, если быть точнее, – наконец объявил он.

– Как? – только и смог выдавить из себя Михеич. Только он и смог.

– Просто, – спокойно и буднично ответил Гришко. – Проложим до столичного метрополитена свое метро.

Раздался нервный смешок. Нервы не выдержали у Тани. Впрочем, подружка Кири быстро заткнулась.

– Навигационные ключи, коды и пароли для автопилота у меня есть, – как ни в чем не бывало продолжал Гришко. – Если ввести в компьютер нужную информацию и корректировать в контрольных точках навигационную систему, «крот» отправится туда, куда ему укажут. Ну, так что? Прокатимся по новой ветке столичного метро «Аид» – Кольцевая? У кого-то есть возражения?

– Сдурел?! – Михеич, снова наплевав на субординацию и уважение к начальству, покрутил пальцем у виска. – Сколько на это уйдет времени?

– «Боевой крот» – это не черепаха и не улитка, – серьезно ответил Гришко. – При благоприятных условиях до Москвы вполне можно добраться.

– Под землей-то? – с сомнением произнес Михеич.

– «БэКа-Семь» – последняя разработка проекта. Усовершенствованная модель. Седьмая версия. Машина специально создавалась для быстрого передвижения под землей. И она способна передвигаться быстро. Я просчитал время и расстояние, которое мы уже прошли от «Аида». И вот что я скажу: если двигаться такими темпами, Москва – это реально.

– А у нас достаточно запасов, чтобы... – начал было Додик.

– Достаточно, – перебил Гришко, не дослушав. – И буровой смеси, и воды, и провизии, и топлива для реактора.

«Если полковник готовил «крота» к эвакуации, то он, конечно, забил его под завязку», – подумал Стас.

– При разумном расходовании ресурсов проблем возникнуть не должно, – заверил Гришко.

– А как насчет воздуха? – поинтересовалась Таня.

– Есть баллоны. Есть регенерационная аппаратура. Когда будем подниматься на поверхность, можно еще закачивать воздух оттуда.

– Грязный? – тряхнула медик рыжей головой.

– Чистый. Фильтры на «Кроте» нулёвые, и ресурс у них огромный.

– Так это чё, типа, едем в Москву? – подвел итог Киря.

Гришко кивнул:

– Маршрут такой: Пермь – Казань – Нижний Новгород – Московское метро.

– Метро? – послышался негромкий голос Кати. Стас не удержался – глянул-таки в ее сторону. Девушка слабо улыбалась. Правда, от такой улыбки – мороз по коже. – Мы с Лёней мечтали когда-нибудь побывать в Ебуржском метро.

И – взгляд в сторону Стаса. Как зубами камнегрыза по горлу. «Мы с Лёней». Катя уже нашла виновного в том, что осталась без Леонида и без метро.

– Побываешь в Московском, – пообещал Гришко.

«Только без Лёни», – подумал Стас. И отвел глаза.

Снова наступило молчание. Даже Михеич заткнулся. Все обдумывали план полковника. Вообще-то предложение отправиться в Москву на субтеррине было более чем неожиданным.

* * *

– Теперь вы знаете о моих планах, – через некоторое время тишину опять нарушил спокойный и уверенный голос Гришко. – Но мне нужна команда единомышленников. Приказывать никому не могу. То есть, могу, конечно, но сейчас важнее добровольное согласие каждого. Я должен знать, что у меня за спиной надежные люди, на которых можно положиться. Поэтому пусть каждый скажет свое «да» или «нет» сейчас. Потом никого ни о чем спрашивать уже не буду. Потом любого, кто будет против, – вышвырну из «крота». Итак, кто со мной на Москву?

– На Москву – так на Москву. Какие проблемы? – первым, не особо задумываясь, откликнулся Киря. Он вообще редко задумывается, когда полковник ведет за собой: начохр предан Гришко с потрохами и во всем, что делает и говорит полковник, видит только благо для себя и окружающих. – Я – в деле.

– И я, – тут же поддакнула Таня. Ну конечно, медичка за своим ненаглядным – и в огонь, и в воду.

– Я – «за», – а это Вера. Кто бы сомневался? Полковничиха без полковника тоже куда.

– У-у-у, блин, развели тут гнилую демократию! – поморщился Михеич. – Я еду, короче.

– Я тоже, – буркнул Додик. – Без меня или вы реактор угробите, или он вас.

– И я с вами. – Катин голос прозвучал негромко, но твердо. Похоже, без Леонида ей все равно – хоть в Москву отправляться, хоть к черту на кулички.

– Ты, Илья? – Гришко повернулся к Колдуну, который молча проулыбался все это время. – Что скажешь?

– А что я? – пожал плечами Илья. – Не в «Аид» же возвращаться. Поехали. Прокачусь до столицы. Когда еще выпадет случай Москву посмотреть.

– Хорошо. – Гришко с удовлетворенным видом откинулся в кресле и лишь после этого, словно вспомнив о чем-то, перевел взгляд на Стаса.

– Ну а ты? – спросил Гришко. Больше, как показалось Стасу, для проформы, чем по необходимости.

Это пренебрежительное «ну», а также то, что его мнением интересуются в последнюю очередь и не так, чтобы очень сильно, свидетельствовало о многом и окончательно расставляло точки над «ё». Правильно говорил Киря: он здесь балласт, не имеющий права голоса.

Вместе с полковником Стаса разглядывали и остальные. В глазах Кири кипела злость. В глазах Кати поблескивала высшая степень ненависти пополам с презрением. Стас зацепился глазами за идиотскую улыбку Колдуна. Тоже поддержка – так себе. Взгляды Гришко, Михеича и Додика были холодными и безразличными.

Произнести хоть что-нибудь оказалось непросто: в горле застрял шершавый комок. Да и ответ Стаса ничего здесь не решал. Это же ясно.

И все же он ответил.

– Да, – сказал Стас, чувствуя, что говорит не очень уверенно и очень невпопад.

– Что «да»? – уточнил Гришко, сверля его глазами.

– Я – за!

– За что?

– За Москву.

А что он мог еще сказать? Что он против? «Поднимите меня на поверхность и высадите туда, где поменьше радиации и мутантов». Ага, будет кто-нибудь напрягаться и искать ему тепленькое местечко в непригодном для жизни мире.

– Значит, всё порешали! – Гришко хлопнул по подлокотникам. – С этого момента на борту вводится личная ответственность за любые косяки. Будет дисциплина – доберемся до Москвы. Не будет – застрянем на полпути. Но я верю, что мы доберемся. У нас хорошая машина и сплоченная команда.

– И Хвостопад, – неожиданно добавил Кирия, исподлобья глядя на Стаса.

– Что? – Гришко стрельнул в начохра недовольным взглядом.

– Говорю, Хвостопад у нас на борту. Из «гэшников». Лишний рот, лишняя задница и никчемные руки.

Полковник смотрел на Кирию хмуро, но не прерывал. А тот не унимался:

– Место будет занимать, жрать в три горла, портить воздух, а проку от него – ноль.

Похоже, Кирия решил воплотить в жизнь свою угрозу сплавить «балласт» за борт. Стас заметил, как улыбнулась Катя: ну да, такой расклад устроил бы и ее.

– Кирия, ты не прав, – неожиданно вмешался Колдун, улыбаясь по своему обыкновению во весь рот. – Он него будет польза. От тебя ведь будет польза, Стас?

Взгляд прищуренных глаз Ильи уперся ему в переносицу.

Стас судорожно кивнул, не понимая, впрочем, чем он может оказаться полезным на борту подземлодки. Но не мотать же сейчас башкой: мол, не будет от меня проку, не надейтесь, не дождетесь.

– Да какая, на хрен, польза от того, кто дальше «Г»-сектора не продвинулся?! – Начохра несло. – Вышвырнуть его отсюда – и дело с концом!

– Послушай, Кирия, – улыбка Колдуна стала холоднее.

Начохр слушать Илью не хотел:

– Да пошел ты! От тебя, Колдун, здесь тоже, кстати, проку немного.

Улыбка Ильи превратилась в оскал.

– Ах ты ж Кирия-Кирия... – процедил он. – Фрейда тебе...

– Засунь своего Фрейда... – отмахнулся начохр.

– ...в задницу!

– Во-во, туда и засунь!

– Хватит! – оборвал перепалку Гришко.

– Но... – вякнул было разгорячившийся Кирия.

– Хочешь принимать решения за меня? – сверкнул глазами полковник.

Начохр заткнулся, но...

– Зачем нам «гэшник»? – послышался звонкий девичий голос. Катя! Все-таки тоже решила высказаться. Это было большее всего. – Лёню он все равно не заменит.

Наверное, она сильно любила своего Леонида. Любила по-настоящему. Или думает, что любила.

– Не заменит, – согласился Гришко. – Но есть такое понятие, как элементарная человеческая гуманность, Катерина.

«Ничего себе загнул полковник! – Стас захлопал глазами. – Интересно, это он искренне?»

– Когда мы убирались из «Аида», о гуманности никто не думал! – с вызовом выкрикнула Катя.

Смело! Очень смело бросать такое в лицо Гришко.

– Не думал, – неожиданно легко и спокойно согласился полковник. – Потому что проявлять гуманность было уже не к кому. Я объявил эвакуацию, когда камнегрызы хозяйничали по всем секторам.

Катя замолчала, тяжело дыша. Глаза ее горели.

– Собрание закончено, – объявил Гришко. – Илья, ты задержись.

Стас вышел из отсека управления последним. Один.

Сказать по правде, у него имелись некоторые опасения, но они не оправдались. Он не наткнулся в коридоре ни на кулак Кири, ни на полный упрека и презрения взгляд Кати. Похоже, на время его решили оставить в покое. То ли внушение Гришко возымело действие, то ли разборки были отложены до более подходящего момента.

Стасу вдруг стало все равно. Он уже понял, что не сможет здесь ни с кем по-настоящему сблизиться. Даже с больным на всю голову и вечно скалящимся Колдуном. Нужно просто запереться в свою скорлупу и тупо переждать и перетерпеть. Что ж, дело не хитрое, не впервой. Даже в своем родном «Г» Стас жил именно так. А здесь он кто? Еще больший чужак и изгой. «Гэшник» среди «ашников».

Единственным близким человеком в этой железной подземной машине для него теперь будет он сам. Он, да еще, может быть, тот другой Стас-сталкер, которого Стас видел во время приступа. Если Колдун не врет и если другой Стас действительно существует, а не является глюком отшибленных мозгов. Мысли переключились на Двойника. Интересный все-таки глюк. Так странно было тогда видеть со стороны себя самого, с оружием, в сталкерской одежде, и «слышать» свои мысли, принадлежавшие себе-другому. Очень странно.

Стас не заметил, как очутился возле своего отсека с двумя узкими койками. Лег на нижнюю. Попробовал заснуть.

Не смог.

* * *

– Колдун, я хочу понять. – Гришко пристально смотрел в безмятежно улыбающееся лицо Ильи. Кроме них в отсеке управления никого не осталось. – Сначала ты спасаешь Стаса от камнегрызов и убеждаешь меня взять его с собой. Потом защищаешь его на собрании. Ты в курсе, что серьезно впрягаешься за этого «гэшника»?

Колдун кивнул.

– Ты сказал, что Стас будет нам полезен.

– Сказал.

– И в чем же? Он не обучен управлять «кротом», он не умеет вести разведку на поверхности, и солдат из него никакой. Парень необстрелянный и, раз уж попал в «Г»-сектор, – мало на что годный. В серьезной заварушке помощи от него не будет, а вреда Стас может принести много. Кроме того, его присутствие уже сейчас раздражает коллектив. Так нужен ли нам такой человек в экипаже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.